

Михаил Попов

КТО ХОЧЕТ
СТАТЬ ПРЕЗИДЕНТОМ?

Михаил Михайлович Попов

Кто хочет стать президентом?

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178096

Кто хочет стать президентом?: АСТ, Астрель; Москва; 2008

ISBN 978-5-17-047171-3, 978-5-271-18886-2

Аннотация

Все развитые страны мира зависят от нефти. Но рано или поздно нефть кончится везде и что тогда?

Между тем в небольшом уральском городе группа провинциальных гениев изобрела совершенно новый вид топлива – «чистая сила». За идею «альтернативной энергии» ухватились вездесущие американцы, направив в Россию своего агента. Цель американских спецслужб – не только завладеть сенсационным открытием, но и вступить в борьбу за политическое влияние в России накануне президентских выборов.

В центре большой закулисной игры между Россией и США оказывается офицер ФСБ майор Елагин. Именно он, прибыв на Урал с особым заданием, становится обладателем сведений, которых ему знать не следовало. И теперь майор – живая бомба. Обезвредить его можно только одним способом – убить.

Содержание

Глава нулевая	4
Глава первая	6
Глава вторая	22
Глава третья	32
Глава четвертая	39
Глава пятая	46
Глава шестая	52
Глава седьмая	64
Глава восьмая	75
Глава девятая	84
Глава десятая	92
Глава одиннадцатая	97
Глава двенадцатая	111
Глава тринадцатая	117
Глава четырнадцатая	124
Глава пятнадцатая	135
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Михаил Попов

Кто хочет стать президентом?

«Что такое судьба? Политика – вот судьба!»
Наполеон Бонапарт

Глава нулевая

Ранним утром позднего октября 2007 года вдоль живописной реки Зеленой в США (штат Иллинойс) на большой, но разрешенной в этом месте скорости мчался серебристый «Лексус», за рулем которого сидел моложавый пятидесятилетний мужчина. В глазах у него стояла затаенная грусть, взгляд был обращен скорее внутрь себя, а не на окружающий мир, но это никак не сказывалось на качестве вождения. Водитель был настоящим, врожденным автомобилистом и довольно крупным ученым. «Лексус» плавно вписывался во все некрутые повороты, огибал заросли невысоких кустов барбариса с красноватыми листьями. По наклонному лобовому стеклу проносились отсветы речного зеркала, до которого уже добиралось беззвучное ликование рассвета.

Картина могла считаться идиллической, если б навстречу

великолепно управляемому автомобилю не устремлялся отвратительно управляемый одномоторный аэроплан – как потом выяснится, угнанный одним ненормальным типом при помощи всего лишь макета многозарядной винтовки с летного поля местного аэроклуба. Надо сказать, элитного и, вероятнее всего, обязанного состоять под надежной охраной. Тем не менее какой-то ненормальный, или пьяный, или просто отчаявшийся человек угнал крылатый одномоторник, оставив за спиной бурю негодования и криков об угрозе террористического акта, взлетел над светлеющей Зеленой рекой и куда-то помчался, не зная, где и каким образом сядет.

На шоссе, что текло вдоль реки, было немало машин (американцы рано встают и рано едут на работу), на реке – немало катеров (некоторые американцы, как и жители других стран, любят иной раз порыбачить с утра). Но угонщик выбрал именно уже упоминавшийся «Лексус». Он резко повернул в сторону шоссе от линии преступного полета, пролежавшей над речной акваторией. Неправильной работой рычагов управления заставил чихать и выть двигатель своей великолепной летной машины, отчего та дернулась всем корпусом, как бы пробуя избавиться от захватчика, но, будто сообразив, что это невозможно, решила покончить с собой ударом об асфальт – в том самом месте, где в тот самый миг находился «Лексус» с печальным водителем.

Глава первая

Пошел вон!

г. Москва, Бирюлево-Товарное

Тамара стояла в прихожей крохотной обшарпанной двушки со сковородкой в руках, но не потому, что собиралась драться со своим только что вернувшимся неизвестно откуда мужем. Во-первых, драться с ним было опасно. Отставной майор ФСО Елагин, высокий, крепкого, как обычно пишут, сложения мужчина со спокойным взглядом удивительно голубых глаз, владел многими видами искусства самообороны, что Тамаре однажды даже довелось наблюдать. Тут, неподалеку, у троллейбусной остановки, когда трое крупных ребят пытались отнять мобильник у одного «ботаника». Как они удирали! Вернее, расползались.

Тамара не боялась, что муж ее ударит. Майор Елагин не бил детей и женщин. Сковородка ей нужна была для демонстрации: вот она дома пашет как лошадь, тащит на своем горбу всю их маленькую семью, а этот «бугай» с двумя высшими образованиями и двумя огромными умелыми кулаками ведет странный образ жизни, которому и названия не подыскать. «Уж лучше бы пил!» – говорят несчастные русские женщины про таких мужей.

Майор спокойно снял свои полувоенные ботинки и камуфлированную куртку и прошел в комнату. Тамара – за ним, поигрывая сковородой, как Маша Шарапова ракеткой, и вскрикивая время от времени так же, как знаменитая теннисистка.

Майор опустился в продавленное кресло, разбросав мощные руки по сторонам, так что костяшки пальцев коснулись серого паласа, и закрыл глаза. Он приготовился выслушать длинную обличительную речь, которую обычно прерывал только одной фразой: «Тише, Игорька разбудишь!» Майор очень любил сына и, собственно, терпел эти психические атаки только ради того, чтобы мальчик рос в полноценной семье. Хотя чем дальше, тем больше его семья казалась ему пусть и полноценной, но не нормальной.

Тамара не обманула его ожиданий и отбомбардировалась по всей программе. Майор услышал, что он идиот, каких поискать, и даже если поискать, то не найти. Что только его, удивительного Сашу Елагина, могло угораздить уйти из ФСО как раз в тот момент, когда начали сбываться их семейные мечты. Работа в Штатах накрылась медным тазом. Пришлось уезжать, выдергивать мальчика из посольской школы. Видите ли, товарищ майор понял, что он по натуре не столько охранник, сколько ученый. Тогда зачем он отдал результаты своих многолетних наблюдений за этим, как его, паршивым геомагнитным полем на Гнилой гряде неизвестно какому дяде, который теперь доктор наук и замдиректора ин-

ститута, а его – замечательного, бескорыстного Сашу Елагина не пускает даже на порог кабинета?

Майор не возражал. Он уже сто раз говорил жене, что ушел с работы, увидев, что она из службы государству превращается в обслуживание интересов какого-то жадного чиновного хорька, и что наблюдения на Гнилой гряде стали ему неинтересны, поскольку выродились в самую вульгарную уфологию. Он только повторял все тише:

– Игорька разбудишь.

Больше всего Тамару злил последний взбрык мужа. Ему предложили отправиться в экспедицию на поиски знаменитого «сидячего кладбища».

– Как же так? Ты, дорогой, такой увлеченный наукой человек, загораешься при появлении самого бледного слуха о какой-нибудь дурацкой тайне, вшивой пирамиде, пусть даже на краю земли – и вдруг отмахиваешься от этого «сидячего кладбища», когда тебя приглашают чуть ли не соруководителем экспедиции.

Майор пытался отшутиться, но жены шуток не понимают. Он не поехал в город сидячих захоронений только потому, что вторым соруководителем экспедиции собирался стать Нестор Кляев. Аргумент этот с некоторых пор не проходил. Кляев теперь знаменитость, все магазины забиты его идиотскими сочинениями: «Откуда род твой?», «Славянские пирамиды на дне Байкала», «Мумии ариев». Теперь у него двухэтажная квартира и т. п. Человек, у которого за душой

только пара сбитых башмаков, не имеет права презирать человека, у которого пара новых «мерседесов».

– Но ты же видела его, ты же сама говорила о нем: приду-рок. Он утверждает, что этруски называли себя так потому, что они были русскими. Это все равно что выводить родословие Одиссея из Одессы. Он псих, он собирается перенести столицу в Аркаим.

– Я ошибалась, Саша. И в нем и в тебе. Женщине свойственно ошибаться больше, чем в среднем человеку. И еще по-другому можно тебе ответить: если теперь платят за такую приду-рь, значит, самое умное – это приду-риваться.

– Да, я помню. Ты еще говорила, что мужчина, который не хочет обеспечивать семью, – это даже не дурак, это подлец.

– Именно так!

– Игорька разбудишь.

– Не разбужу.

Майор приоткрыл глаза. Кажется, сегодняшний день закончится не совсем так, как прочие.

– Где он?

– А тебе не все равно? Ты когда-нибудь интересовался своим сыном?

Это заявление отстояло от здорового взгляда на вещи еще дальше, чем «открытия» Кляева. Елагин увлеченно занимался сыном, водил в бассейн, в спортзал, приучал к хорошим книгам.

– Куда ты его подевала?

– Не говори глупостей, он у мамы.

– Что ему делать у твоей мамы?!

Тамара помолчала, отложила сковородку, уже сыгравшую свою роль на сегодня, и быстро и зло проговорила:

– С меня хватит.

– Я сегодня принес десять тысяч. Это ее только еще больше взбесило.

– Какие десять тысяч! Я решила резко изменить свою жизнь. Резко. По-настоящему. Мы больше не будем жить вместе. Ты должен уйти прямо сейчас. В конце концов, это моя квартира.

– Да, квартира твоя.

Майор набрал на телефоне номер и сказал:

– Марья Геннадьевна, позовите, пожалуйста, Игоря.

– Ты его разбудишь! – крикнула жена.

Спрятав телефон, майор Елагин долго смотрел на жену. Он старался понять, что за насекомое ее цапнуло. Ситуация получалась смешная. Это он жил все последние годы с предощущением, что вот-вот бросит жену, а тут она ему объявляет, что бросок состоится в ее исполнении. Такое впечатление, что она не все рассказала. Как она может изменить свою жизнь? Да еще резко. Несчастливая задерганная жизнью тетеха! Кому она нужна в этом мире? Кроме него, которому тоже не нужна.

– Ну вот, ты молчишь, ты даже не ответил на мой вопрос, где ты был сегодня?

Майор не помнил, звучал ли в шуме общего скандала именно этот вопрос, но ответил:

– На заседании ихтиологического общества. С Сашей Се-
ченем, с Андрюхой Воронежским.

Тамара, с вычурной артистичностью заламывая руки, сар-
кастически захохотала:

– Ну, вот видишь, видишь же!

– Что я должен увидеть?

– Даже в такой день ты занимаешься не собой, не своей
карьерой, а значит, не своей семьей. Ты прирожденный селф
мэйд мэн, как говорят штатники, но наоборот. Человек, ко-
торый себя топит, убивает. Теперь тебе понятно?

– Нет, – честно признался Елагин. Он всего лишь инте-
ресно поговорил с двумя крупными специалистами по океа-
нической фауне о видах подводного животного свечения.

– Твоя ублюдочная философия звучит даже в твоей речи.
Пусть «теологическое» общество, но почему именно «их»?
Ты заранее готов к тому, что если оно чего-то достигнет, ты
откажешься от всех дивидендов.

Майор снова закрыл глаза. Видимо, сегодня действительно
лучше уйти. Пусть охолонет. Игорька он ей по-любому не
отдаст. За пару дней дурь из нее выветрится. Не сможет же
она и вправду что-то предпринять.

Он встал, вынул из кармана тоненькую пачку денег, отде-
лил для себя три бумажки, остальные положил на телевизор.
И про себя отметил: а ведь и правда, какой старый, задри-

панный у них телевизор, как кособок их быт. Мужчине очень легко найти отверстие, через которое впускается внутрь чувство вины.

Через пять минут он сидел в баре дискотеки «Тадж-Махал» с заказанными сразу тремя кружками пива. Вокруг развивалась молодежь, а он думал о том, до чего странно у нас называют места досуга. Насколько он помнил, Тадж-Махал – это мавзолей, хотя и очень симпатичный. С тем же успехом можно назвать дискотеку «Ваганьковское кладбище».

Через час он уже ехал на своей «девятке» в сторону Лосино-островского. В «мастерскую».

Это было замечательное место. Тут в одном из темных запущенных углов образовалось что-то вроде неучтенной территории. Отчасти промзона – склады, трейлеры, подкатывающие по ночам с погашенными фарами, отчасти монастырское подворье – одна восстановленная деревянная церковь и две восстанавливаемые. Кроме того – регулярно поджигаемая конно-спортивная школа. Плюс ко всему – кузница, столярные и еще какие-то мастерские, пара угрюмых самодеятельных реставраторов. Конфликтов внутри этой республики не было. Часто девчонки, дневавшие и ночевавшие в конюшне, помогали мыть дальнобойные грузовики, реставраторы таскали бревна на строительство трапезной, лошади вытаскивали застрявший в грязи «Сааб» кавказских контрабандистов.

Маленький макет постперестроечной России.

У майора Елагина была тут крохотная, но хорошо оборудованная мастерская. Несколько миниатюрных станков, на которых он помогал подгонять оборудование своим друзьям – альпинистам и спелеологам – и огнестрельное оружие другим друзьям из одной уральской охранной фирмы. Здесь он вел кружок рукопашного боя для всех желающих, невзирая на пол, возраст и сан, причем большинство занятий состояло из душевных бесед. Здесь у него был телефон, выделенный местным батюшкой, Интернет, силовое электроснабжение с какого-то тайного склада, и ни за что платить не приходилось. Все держалось балансом взаимных услуг. Кавказцы не понимали, зачем он здесь, но признавали, что он имеет на это право; милиция делала вид, что не замечает, чем он тут занимается. Церковные вообще не считали его подозрительной личностью и не возражали против его возни с детьми. Старые собаки и юные наездницы льнули к нему.

В мастерской хорошо было спать и думать на узком топчане. Человеку хорошо там, где его уважают. Сашу здесь уважали. За силу, но в основном за вежливое обхождение. На стене его комнаты висела подборка изречений, дававших понять, откуда он черпает стиль и порядок своего поведения:

«Вежливость – лучший способ держать идиота на расстоянии».

«Вежливость, без сомнения, есть одна из Муз». Г. Спенсер.

«Народы, у которых нет героев, святых и гениев, еще мо-

гут как-то существовать. Народы же, лишенные вежливых людей, неизбежно гибнут». В. Соловьев.

«Не бей лежащего – может, он спит; не бей стоящего – может, он часовой; не бей бегущего – может, он гонец; не бей летящего – может, он ангел».

Были и стихотворные изречения:

Если в жизни плохо что-то,
если в жизни счастья нет,
вспомни Бойля-Мариотта,
был у нас такой поэт!

Здесь майор Елагин уединялся. Никто не смел сюда войти без его разрешения. Поэтому хозяин очень удивился и насторожился, увидев, что в его клетушке горит свет. Этот гость или слишком многим рисковал, или на слишком многое имел право. Сегодня майору было не до таких людей. Он хотел просто полежать и подумать.

Осторожно приблизился к разошедшейся дощатой двери. Заглянул в щель. Гость его явно ждал, а не поджидал, ибо не скрывался. Не засада. Ладно, сказал себе майор, и резко открыл дверь.

– Заходи, заходи.

Голос неприятный, но знакомый. Прежде чем майор успел что-либо вспомнить, гость повернулся к нему на вертящемся стуле.

– Боков?

– Подполковник Боков, – поправил, улыбаясь, гость. Елагин не любил этого человека еще в бытность того лейтенантом и подозревал, что теперь имеет еще меньше оснований для любви к нему.

– Зачем ты пришел?

– Я не пришел, меня прислали.

– Да, я забыл, таких, как ты, можно послать, когда нужно.

Подполковник потер большой прыщавый лоб большим, средним и указательным пальцами, сложенными вместе так, словно он собирался перекреститься.

– Напрасно стараешься. Я знаю, что ты меня не уважаешь, и покончим с этим. Я по делу.

– Как ты меня нашел?

– Работники определенных ведомств не бывают бывшими работниками...

– Не ври, я уже сколько лет никак с вами не связан. Подполковник опять коснулся лба, словно собирал какую-то мысль с его поверхности.

– А если честно, жена. Тамара. Я заехал к ней около часа назад. Она мне все рассказала.

– Что значит – все?

– Что ей надоело. Что ты оставил ей семь тысяч. Что выгнала тебя. И главное, рассказала о твоей американке.

Майор инстинктивно прищурился, он всегда так делал, когда ему было что-то непонятно. Переспрашивать не стал – какая американка? откуда американка? Если эта информа-

ция мусор – сама схлынет, если она важна – надо сделать вид, что не придаешь ей особого значения. Единственно правильная реакция.

– И пока ты заезжал выпить водки, чтобы снять стресс, я на быстрой машине и нагрянул.

– У тебя ко мне дело, Боков?

– Нет, задание.

– Ты же знаешь не хуже меня, что я уже лет...

На лице подполковника изобразилось умиленно-сюсюкающее выражение. Мол, да ты что, вообразил, что можешь мне отказать?!

– Ну ладно, скажем так, у меня задание попросить тебя об одолжении. Тот, кто просит, сидит так высоко...

Елагин сделал жест рукой: оставь свои секреты при себе, говори дело. Он знал, что просто так к нему бы не обратились, и если он станет упорствовать, у них хватит возможностей, чтобы... Фраза о том, что сотрудники некоторых организаций не бывают «бывшими», была правильная фраза.

Боков кивнул: молодец, правильно понимаешь. Огляделся. За стенами все время слышалось какое-то пофыркивание, позвякивание.

– Что это там у тебя?

– Кони.

– Ладно, пусть кони. Тема звучит так: «Чистая сила». Если ничего пока не слышал, тут вот в пластмассовом блинке есть диск. Место действия: город Калинов. Ты там бывал. Знаем,

что имеются кое-какие связи. («Это он о моем знакомстве с Кляевым, – тоскливо подумал Елагин. – „Гений“ копает где-то в тех местах»). Личность, интересующая нас, – господин Винглинский.

– Олигарх?

– Олигарх, олигарх и, возможно, предатель интересов родины, – бодро кивал подполковник. – Он набрел на один местный не полностью загнутый институт, в подвалах которого какие-то голодные патриоты выдумали эту штуку – «чистую силу».

– Что это такое?

Подполковник весело захохотал:

– Так вот это ты и должен мне рассказать. И не позднее чем через неделю. Ну две.

– Он сам-то в городе?

– Сергей Янович? В городе, в городе. Но улетает-прилетает. У него собственных самолетов – не сосчитать. Протаскивает своего человека на должность мэра. Причем все выглядит прилично – оттесняет явного ставленника бандитов. Окапывается на территории. И это бы все нам по одному месту, когда б не связи его кое с какими фигурантами за рубежами ограбленной им родины. И есть у нас подозрение, что эта самая «чистая сила» большая такая лапша на большие уши нашего народа. А может, и не только нашего. Международная такая афера.

Майор снова чуть прищурился.

– А при чем здесь я?

– Но против первого подозрения стоит второе, что «чи-
стая сила» – не совсем лапша и лажа. Не «красная ртуть»
какая-нибудь. То ли энергия, то ли топливо, может быть, но-
вый вид бензина. То есть бензина, получаемого не из нефти,
понимаешь, майор?

– Понимаю, что это чушь. Немцы еще во время войны пы-
тались изготовить синтетический бензин, чтобы не зависеть
от зарубежных поставок, и изготовили, но он оказался на-
много дороже обычного.

Подполковник встал, и сразу стало видно, что он очень
высокого роста, просто поза сидения непонятным образом
скрадывала это. Теперь он прогуливался, демонстрируя от-
личный серый костюм.

– Вот. Ты сам видишь, что без тебя никак нельзя. Это об-
ласть отчасти научных мифов, каких-то артефактов, дьявол
их побери. Нужен кругозор. Плюс исследовательский азарт.
Мозги, короче говоря. Придется пристраиваться к докторам
наук, совать головы в какие-нибудь центрифуги, главное –
любить совать головы в центрифуги. Ты меня понимаешь?

Майор усмехнулся.

– Но у вас же есть методы. Возьмите пару этих профессо-
ров, раскрутите их...

Боков сделал несколько шагов по скрипучему дощатому
полу, неприязненно косясь на верстаки и ящики со всяким
электронным мусором.

– Официальным сапогом нам в это корыто ступать нельзя. Винглинский не дурак.

– Он в школе был троечником.

– Да и Эйнштейн не был отличником.

– Какой у нас высоконаучный спор. Боков поклонился в ответ.

– Я как замзав отдела науки должен поддерживать престиж должности... Но хватит ловеласы точить. Все «мясо» на диске. Лететь надо сейчас. У нас такое подозрение, что господин олигарх уже переправляет за границу материалы, а может быть, и людей, связанных с этим открытием. Или с этой лажей – уж не знаю, чем она там окажется.

– Что же я застану, если вылечу прямо сейчас?

– Отвечу комплиментом: если бы было просто, тебя бы не позвали. Будешь скрести по сусекам, рыть землю, из которой уже все ценное выкопано... – Боков вдруг разгорячился. – Пойми, если он эту «чистую силу» сумеет легализовать на западе – а желающие ему помочь имеются, наши родимые «Лукойлы» просто лягут брюхом на песок. Их скупят за копейки, и, что самое подлое, этот «бемс» можно устроить вне зависимости от того, что на самом деле есть «чистая сила» – афера или величайшее открытие.

– А вдруг он уже всех и все что надо отправил куда-нибудь туда?

– Хороший вопрос, на который есть еще более хороший ответ. Олигарх боится не только нас, но и их. Если наш пре-

зидент разобрался с «Юкосом», то почему их президент не сможет разобраться с фирмой Винглинского? Поэтому парень до последнего будет держать свои яйца как минимум в двух штанинах.

– Очень неудобно ходить в таком положении.

– Ты оstri-остри, да не опоздай, смотри. Твой из Домодедова вылетает через час сорок.

Майор уже вытаскивал из-под верстака большой кожаный портфель, потертый значительно сильнее, чем у Жванецкого.

– Послушай, Боков, а нет ли тут какой-нибудь политики, какой-нибудь дребедени с выборами? Знаешь же, презираю, сразу отползу в сторону!

Подполковник махнул обеими длиннющими руками:

– Да брось ты! Разоблачить хитрость гада с двойным гражданством, чтобы он не подрывал родную «нефтянку», которую отцы наши и деды на своих жилах вытянули, – какая же это политика, это, блин, подвиг!

Боков пошел к двери, открыл ее, и на него вдруг блеснула огромным влажным глазом стоявшая едва ли не в проеме лошадь. Подполковник сделал шаг назад.

– Да, тут же тебе и деньги положены, чуть не забыл. Майор отсчитал ровно треть, остальные вернул Бокову.

– Будь другом, хотя никогда не был, завези семейству. Боков вздохнул, скривил физиономию:

– По-моему, это зря.

– Теперь я буду решать, что зря, что не зря.

Боков неприязненно посмотрел на дружелюбную лошадь.

– В любом случае об Игорьке мы позаботимся. На это можешь рассчитывать.

«Вот этого я больше всего и боюсь», – подумал майор.

Глава вторая

Ненормальная американка

*Г. Грин Ривер, штат Иллинойс
За час до авто-авиакатастрофы на Зеленой
реке*

Мистер Реникс собирался выйти из дома через кухню, где, как он знал, находится его дочь Джоан. Вот уже четыре дня, как она вернулась из поездки в Дафур в составе миссии мистера Клуни, и с ней было очень тяжело разговаривать. После смерти миссис Реникс пять лет назад отец и дочь сблизились, стали не только родственниками, но и друзьями, у которых нет тайн друг от друга. Джоан даже доверяла отцу свои сердечные переживания, что бывает не так уж часто. И мистер Реникс, несмотря на свое сугубо техническое образование, проявил себя человеком, способным понять тонкие движения девичьей души. Впрочем, эта сторона жизни – мальчики, вечеринки – не занимала в жизни Джоан не только главного, но даже заметного места. С течением времени это становилось все очевиднее. В колледже она уже сильно отличалась от сверстниц, что и радовало и пугало отца. Джоан не могла пройти мимо выпавшего из гнезда птенца, даже пыталась помочь дождевым червям, которых находила после ливня на дорожке, ведущей к дому... И росла бы хоть дур-

нушкой, заторможенной в развитии. Однако ее ай кью всегда был одним из самых высоких в школе, плюс стройные ноги, рыжая копна волос, зеленые веселые глаза. А поведение – монашки. Правда, довольно деятельной. Мистер Реникс не был чистопородным католиком, как его отец, максимум – неуверенным деистом, и, с уважением относясь к людям, избравшим духовную карьеру, не хотел бы, чтобы такую карьеру избрала его дочь.

И вот эта суданская поездка.

Мистер Реникс вначале надеялся, что Джоан больше интересуется голливудская улыбка руководителя проекта, чем собственно страдания голодающих аборигенов. Но оказалось, что зеленые глаза ее тускнеют и туманятся как раз от мыслей о несчастных африканцах и чинимых против них несправедливостях. И тут дело не ограничивается одними лишь печальными впечатлениями, из них произрастают некие выводы. Да, надо обладать очень тонкой душой, чтобы из факта суданского голодомора выработать в себе, юной гражданке США, чувство персональной вины за происходящее. Может быть, все это пройдет с возрастом, но мистер Реникс уповал на это не сильно.

Джоан наливала диетическое молоко в зеленую керамическую миску с кукурузными хлопьями. При этом было отчетливо видно, что есть ей не хочется.

Мистер Реникс стоял некоторое время перед нею, перекладывая дипломат с конфиденциальными документами из

одной руки в другую. В дипломате лежали планы последней серии опытов, с помощью которой доктор Реникс намеревался серьезно продвинуться со своей лабораторией по пути создания нового вида топлива, то есть в итоге еще больше укрепить промышленную и политическую мощь США. Перед ним сидела дочь, считавшая именно эту политическую и техническую мощь главной причиной всех несчастий, происходящих в мире. Не дико ли, что такая отвлеченная проблема может стать причиной разлада между людьми, по-настоящему любящими друг друга! Возможный успех мистера Реникса отчетливо пахивал Нобелевской премией, но ситуация лишала его нормальных в данном случае радостных предвкушений.

Господин инженер тяжело и длинно вздохнул. Джоан вяло улыбнулась. Отец понимал, что не может просто так взять и уехать. Хотя, казалось бы, все давно проговорено и выяснено, всегда остается ощущение, что в конце концов найдутся те самые главные слова, способные убедить, доказать...

– Папа, езжай, я тебя люблю, и я знаю наизусть, что ты можешь мне сказать. И ты знаешь наизусть, что я могу ответить тебе.

Мистер Реникс опять переложил дипломат из руки в руку.

– Меня угнетает странность ситуации. Как будто мы поссорились из-за квадратуры круга или магнитного поля Земли. Между нами нет лжи, нет недоверия, я стараюсь быть внимательным к тебе и не подавлять твою свободу...

– Не казись, ты идеальный отец.

– Но тогда скажи, откуда этот лед?! Ведь все это одни пустые цифры, – он заговорил чуть другим, как бы цитирующим тоном: – «Америка имеет пять процентов мирового населения, но пожирает тридцать процентов мировых ресурсов». Почему сей факт, если он даже имеет место, в чем я сомневаюсь, мешает тебе испытывать прежние чувства к своему отцу?

Джоан повертела ложку в руках.

– Но я видела русло высохшей реки, устланное телами умирающих черных детей. Как будто реку вымостили битумом. Их были тысячи. А мух – миллионы.

– Ты считаешь, что я в этом виноват?

Джоан зачерпнула ложкой немного невкусной еды, но не донесла до рта.

– Ты работаешь на систему, которая делает возможным и даже вроде как бы законным такое положение дел.

– Но система, на которую я работаю, если брать ее в общем, глобальном, извини за выражение, виде, в свою очередь работает, скажем, и на создание новых средств борьбы с болезнями, с которыми раньше не знали что делать. Собственно говоря, она, эта бесчеловечная, на твой взгляд, система, создала самолеты и вертолеты, на которых вы с мистером Клуни доставили в Дафур еду и одноразовые шприцы. И многих спасли. Все в мире взаимосвязано не только в негативном, но и позитивном смысле. Все сильные страны

в какие-то моменты истории поступали подобным образом. Самый наглядный пример из истории: британцы довели до голодной смерти десятки тысяч индийских ткачей, но одновременно уберегли с помощью вакцин сотни тысяч от оспы и холеры. На каких весах тут все взвешивать? Да, мы, американцы, в чем-то виноваты. Но, став на эту дорожку, в конце концов придется признать, что наша вина коренится в самом факте нашего существования. Возьмем хотя бы миссис Остин – вон она вышла за газетой и сейчас за чашкой кофе прочтет об ужасах в Африке, на Ближнем Востоке или в России. В ее доме восемь или десять комнат, он стоит несколько миллионов долларов. Можно было бы переселить миссис Остин в однокомнатную клетушку, продать ее дом и на эти деньги, наверное, некоторое время кормить небольшой народ в Амазонии или в пустыне Калахари. Но как ты практически представляешь себе превращение дома миссис Остин в помощь для африканцев? Начнем с того, что ее, неприятную на вид толстуху, владеющую своим имуществом не по естественному праву, а по американскому закону о наследстве, лишение дома – даже ради самых благих целей – лишит веры в справедливость и скорее всего просто убьет. А она ведь мать, бабушка, тетушка и любимая подружка своих подружек, вместе с которыми предается чудовищному греху – поеданию оладий с кленовым сиропом в заведении «Орфей», что за углом.

– Я никогда не говорила о том, что для счастья челове-

ства надо замучить миссис Остин. Я не социалистка, ты же знаешь. Мне это противно: отобрать, раздать... Но мне противно и то, что я видела там, в Африке. Если мир глобален, как все твердят вокруг, если все так взаимосвязано, то, значит, голодный психоз дафурских африканцев и порция оладий в заведении за углом как-то соотносятся друг с другом.

Мистер Реникс шагнул к двери. Обернулся.

– Не надо все валить в одну кучу. Не оладьи миссис Остин спасут твоих голодных, а честные действия суданского правительства. Некоторые члены тамошнего кабинета, как я подозреваю, устроены в жизни намного лучше миссис Остин. Они обворовывают свой народ, полагая это своим должностным правом.

Джоан отодвинула керамическую миску, как бы демонстрируя голодную солидарность с беженцами Дафура.

– Теперь, папа, ты уже можешь переходить к тезису о том, что высокий уровень жизни в Америке – не самоцель. Наша великая экономика – это локомотив, который тащит за собой весь мир, придает смысл всему экономическому существованию на планете. Вдобавок скажи еще, что поддержание высокого уровня потребления в США является единственной возможностью обеспечить гражданский мир в стране, так как с падением этого уровня выйдут на поверхность чудища расовых, социальных и других конфликтов...

– Но это же правда! Мы тут, в Америке, должны работать на опережение, иначе всем будем заправлять не мы, пусть

грешные, слабые люди, а дикие стихии. Так устроен наш американский мир.

– Получается, что мы, американцы, хуже всех. Китайцам хватает миски риса, чтобы выстроить новую Великую стену – теперь из рубашек и курток, а нам надо обязательно объедаться, чтобы работать.

Мистер Реникс закатил глаза и тихо выругался.

– Ну да, да, ты попала в самую точку.

– Я не целилась ни в какую точку, папа.

– Но попала. Вспомни Новый Орлеан.

– Неприятное воспоминание.

– Вспомни кадры, снятые в разграбленных магазинах. С полок исчезло все. Хлеб, консервы, памперсы, бутылки с водой. Нетронутыми остались только стеллажи с DVD-дисками и компьютерными программами. При первой же опасности мы отказались от достижений высокой цивилизации и вернулись в самое настоящее варварство, где важны только еда, питье, тепло.

– Ты хочешь сказать, в затопленном Копенгагене было бы по-другому?

– Нет, нет. Дело в другом. Если одичает Копенгаген или Гонконг, это будет большая неприятность. Если рухнет в пучину варварства Америка, – это будет конец мировой цивилизации.

– Получается, что мы всех заставляем принимать наши ценности с помощью запугивания: не будете помогать нам

быть самой богатой и сильной страной – вам конец.

Мистер Реникс вытер рукой усталое лицо, выражение которого было такое, будто он не уходит на работу, а только что вернулся с нее.

– Если хочешь, что-то в этом роде. В конечном итоге мы работаем ради всех. Ради всего мира.

– И все же получается, что мы всех запугиваем. Раньше ведь Америка была другой. Когда мир пугали Советы, мы казались на их фоне обаятельными.

Мистер Реникс утомленно кивнул.

– Как всегда, ни до чего не договорились. Сейчас я поеду к себе в офис, а потом на испытательный стенд. Я буду изо всех сил работать на систему, на нашу систему, в надежде сделать ее хотя бы чуточку менее прожорливой. Кажется, у меня получится. И наша страна сможет, оставаясь собою, объедать окружающий мир в несколько меньшей степени. Тебя устроит такое обещание?

Джоан вздохнула.

– Ну, хоть что-то, – помрачнев, сказал мистер Реникс и, резко развернувшись, вышел, помахивая своим злосчастным дипломатом.

Джоан следила через окно, как он прошел по дорожке между двумя полянами травяного газона, нервно открыл дверь «Лексуса», бросил дипломат на переднее сиденье.

Джоан любила своего отца. Она совершенно искренне считала его наименее виноватым в глобальных несправед-

ливостях, которые наблюдала вокруг себя, и страдала, что именно ему вынуждена предъявлять претензии за все это. В глубине души она продолжала считать отца идеальным героем – именно поэтому ему доставалось.

Она вскочила со стула. Нельзя же расстаться в состоянии ссоры! Подхватывая на бегу домашние туфли, бросилась к выходу. Выскочила на дорожку, размахивая так и не приготившейся ложкой. Но машина уже тронулась. Был отчетливо виден смуглый решительный профиль мистера Реникса. Вот он отвернулся, чтобы посмотреть, нет ли слева от машины велосипедиста или парня на роликах.

Уехал.

Не успела!

Джоан дошла до конца дорожки и остановилась там, задумчиво похлопывая ложкой по точеному колену.

– Вы только посмотрите! – услышала она неприятный голос. Это была миссис Остин – пухлая очкастая старуха с несколькими завитыми волосками на практически голом черепе. – Вы только посмотрите, они утверждают, что сделали это!

Джоан пришлось уделить внимание соседке, тыкавшей пальцем в статью на газетной полосе. Оказывается, какие-то «сибирские обманщики» придумали новый бензин стоимостью всего лишь цент за литр.

Джоан вежливо пожала плечами и облизала ложку. Комментировать такие сообщения – все равно что рассуждать

об устройстве системы пищеварения марсиан. Но старушка не унималась. В ней было столько жизни! Даже если она по своей воле решит завещать все свое наследство голодающим Африки, те еще очень не скоро дождутся ее денежек.

– Из чего, из чего, скажите, они там собираются его делать? Из снега? По-моему, только снега там у них и в избытке.

– Извините, миссис Остин, мне надо позвонить. Джоан действительно надо было позвонить. Отцу.

Глава третья

Уральские пальмы

г. Калинов, Южный Урал

– Это со мной, – сказал капитан Захаров швейцару гостиницы «Парадиз», бывшему подполковнику медицинской службы Кабинкину, облаченному в бархатную крылатку и папаху, отчего тот выглядел одновременно и глупо и солидно. Говорил капитан не оборачиваясь и не уточняя, кого именно он имеет в виду. Отставник-швейцар, отлично осведомленный о положении этого лысеющего самодовольного хлыща в системе силовых ведомств города, только понимающе кивнул. Будь даже Захаров еще пьянее, чем сейчас, и веди он за собой на поводке караван верблюдов, а не двух раскрашенных девиц, ему не могло быть никакого препона.

Цокая каблуками, поводя плечами в недорогих мехах, девушки вошли, брезгливо озираясь. Очень трудно было понять, почему брезгливо, ибо лучшего заведения в городе Калинове не имелось, их ежедневной мечтой было попасть именно сюда и поискать работу на ночь в подвальном клубе «Атлантида».

Капитан Захаров не повел их на дно морское, откуда вырывались буруны музыкальной тарабарщины и отсветы ис-

кусственных огней. Он повернул налево и зашагал меж двумя шеренгами самых настоящих пальм, проросших прямо из белого мраморного пола к рецепшену, или как оно там правильно, наконец, пишется, это слово. Лиза и Роза последовали за ним. Они были так удивлены, что даже не сделали того, что сделали бы в любой другой ситуации, – не закурили.

За стойкой сидел милый юноша в бабочке. Он не поднял глаз на подошедших и почти неуловимым движением ласковой лапки выдал капитану электронный ключ.

В лифте капитан Захаров вдруг прервал молчание. Такое впечатление, что он наконец рассмотрел своих гостей и решил, что они достойны того, чтобы он им сказал нечто ухаживающее.

– Обратили внимание на деревья?

– Симпатичные березки, – молвила Лиза, длинный язык которой часто являлся причиной сокращения ее гонорара.

Капитан не обиделся. Такой вид юмора до него, кажется, не доходил.

– Дура.

– Исправлюсь.

– Это пальмы.

– Да-а? И откуда же их завезли, прямо из Африки? – серьезно спросила Лиза, и это было уже совсем рядом с гранью, за которой капитан мог и обидеться – в обстановке чуть более официальной.

– Та же порода, что в вестибюле одного из братьев-близ-

нецов. В Нью-Йорке. Он сам там был и видел. И захотел, чтобы здесь.

Под наименованием ОН проходил Сергей Янович Винглинский, столичный олигарх, имеющий в Калинове одну из своих деловых контор и некоторые политические интересы. Все нефтегазовые процессы в здешних и прилежащих местах проходили под его присмотром. Для укрепления своих позиций он сначала купил прокурора, потом большую часть милиции, а в конце концов задумал и в кресло городского главы посадить своего человека. Что должно было произойти на ближайших выборах в марте 2008 года.

– Неужели та самая порода? – вступила в разговор Роза. Она, как и очень многие работницы здешнего ночного цеха, бывала в номерах «Парадиза» и знала трогательную байку про эти редкие пальмы и про то, что с их помощью Нью-Йорк и Калинов стали чуточку побратимами. Она просто хотела помешать подруге злить клиента. В самом деле, раз уж ты вышла на эту тропу, забудь о своих пятерках по начертательной геометрии в институтском дипломе.

Лифт остановился на верхнем этаже здания. Подойдя к окну в коридоре, можно было бы разглядеть картину застройки этого среднего сырьевого российского центра. Пять-шесть приземистых, по-разному некрасивых небоскребов в центре – так сказать, сити, окруженное административными «сталинскими» узкооконными глыбами с нудной лепниной и беспородными пятиэтажками, колоннами, уползающими

в снежные окрестные просторы под конвоем бледных фонарей. А дальше – фантастические горы, поросшие, как мехом, непроницаемым ельником. Где чудеса, где леший бродит. Только никто никогда этого окна не распахивал и панорамой не любовался.

Девушки вышли из лифта и повернули налево. Захаров достал из кармана плоскую серебряную фляжку, вставил горлышко в угол рта, а свободной рукой показал: не сюда, дуры, не сюда!

Лиза и Роза переглянулись. Как жаль. Если он уже надрался до такой степени, что не разбирает, где право и лево, то может и забыть, сколько обещал заплатить.

– За мной! – скомандовал Захаров и устремился прямо на глухую стену в тупике коридора. Но ничего страшного не случилось. Мелькнул выданный там, внизу, электронный ключ, что-то пискнуло, и стена, выглядевшая глухой, разъехалась, а за нею обнаружился роскошный номер.

Пока девочки осваивались – вытаскивали из холодильника блюда с немислимыми нарезками и бутылки с невиданными наклейками – Захаров сидел в громадном кожаном кресле, сделанном из целого гиппопотама, и пытался снять туфли. Для этого он бил каблуком в толстый бордовый ковер и матерился. Пробегавшая мимо с букетом фужеров в руках Роза чуть наклонилась и помогла ему с вызволением одной ноги. Обретя частичную свободу, капитан стал тут же рассказывать, какой он важный и сильный человек. А скоро

станет еще важнее и сильнее. При этом он все время отпивал из фляжки.

– Судя по прикиду конурки, ты не врешь, – совершенно серьезно сказала Лиза.

На сей раз он почему-то обиделся.

– Да что ты понимаешь, математика! Понимаешь ты, что это за место? Какие люди сидели в этом кресле?

– В котором теперь сидишь ты? – видимо, профессионально любя точность, спросила Лиза.

– Да! – рявкнул капитан, поднимаясь. И обе девушки с одинаковым удивлением подумали, что он сегодня нализался значительно быстрее, чем обычно. Так ведут себя люди, которым пообещали повышение. Капитан продолжал разоблачаться, готовя, надо понимать, фронт работы для приглашенных специалистов, но делал это особым манером. Вслед за снятым левым ботинком он стянул левую штанину и встал. К наготе ему, очевидно, захотелось прибавить немного величественности, потому что пустую свою флягу он поднял наподобие древнего кубка. Девушки переглянулись. Положение им не нравилось. Они уже догадались, что денег сегодня явно не получают. Капитан решил расплатиться с ними этим номером – так шофер генерала катает своих девок на машине шефа. Девушки по-разному оценивали создавшуюся обстановку.

Для Розы тут пахло непонятной опасностью.

Для Лизы, скорее, новыми возможностями.

«Наверняка этот номер был чем-то вроде явки каких-то здешних спецслужб. Официальных, неофициальных – какая разница?! Номер точно нашпигован аппаратурой. Бог с ними, с деньгами, не нарваться бы на неприятности», – думала опасливая Роза.

«Небось и ОН здесь бывает, выпаивает своих московских и иностранных друзей. А что, если удастся попасть на работу в такую компанию», – думала математичка.

– А ну ко мне! – зычно скомандовал капитан Захаров. В тот же момент его мобильник заиграл какую-то дебильную мелодию. Скрывался прибор в кармане той штанины, что была уже развратно снята. Капитан наклонился, вскрикнул и выронил фляжку. Услужливая Роза метнулась к карману, выудила, ломая накладные ногти, мобильник, вскрыла его перед задыхающимися капитанскими устами.

Капитан напряженно слушал поступающую информацию. Она обладала, видимо, таким весом, что с него начала сползать и вторая штанина. Капитан растерянно сел в кресло. Его губы прошептали фразу, более всего походившую по звуку на «я как стекло». Оглядел гостей мутными глазами и спросил:

– Знаете, кто это звонил?

Девушки краткими жестами продемонстрировали предельную степень уважения к человеку, о котором не имели ни малейшего представления.

– Поэтому вон отсюда! – логично заключил капитан. – Но

сначала все запихните на место.

Блюда с нарезками меланхолично поплыли со стола к холодильнику. Когда наработавшиеся официантками проститутки уже покидали тайную хату, капитан решил провести напоследок инструктаж.

– И об этом месте молчать даже...

Он не придумал, как закруглить фразу, и девушки выпорхнули.

– Пальмы, говоришь, – усмехнулась Лиза, входя в лифт.

– Недаром в народе это заведение называют «Паразит», – неожиданно добавила сдержанная Роза.

Глава четвертая

Ненормальная американка-2

г. Грин Ривер, штат Иллинойс

Больше всего Джоан хотелось сейчас поговорить с отцом. Всего час прошел с того момента, как он уехал на свой испытательный стенд. И в тот момент, когда они расставались, ей казалось, что ее просто тошнит от разговоров. Но стоило отъехать его «Лексусу», как она поняла: не сказано самое важное. И вместо отца – эта миссис Остин с вычитанным из газет бредом, с предложением «вместе испечь вафельный тортик». Пришлось сказать, что она не ест сладкое. Выглядело как немотивированная грубость. Старушка-то ведь ни в чем не виновата.

Джоан вернулась в дом. Съела несколько ложек невкусных кукурузных хлопьев с безжизненным молоком. Посидела в саду в гамаке, ни разу не качнувшись. Поднялась к себе в комнату к компьютеру, вновь взялась за статью, от которой оторвалась, чтобы столь неудачно проститься с отцом.

Статья не желала продвигаться. Джоан набрала номер отцовского рабочего телефона. Секретарша сказала, что не может ее соединить с мистером Р. Это было странно хотя бы потому, что обычно секретарша соединяла ее с шефом охраны

«старинной Фрэнком», а уж он решал, может сейчас «босс» подойти к телефону или нет. Джоан набрала номер мобильного. Выключен. Такое бывало во время экспериментов. Но в совокупности с невежливой секретаршей и этот факт отбрасывал не совсем нормальную тень.

Джоан сходила еще на одно свидание со статьей. Потом снова – гамак. Еще один телефонный круг – с успехом даже меньшим, чем в первый раз: место секретарши занял автоответчик. У девушки появилось ощущение, что реальность начинает как-то неприятно суживаться вокруг нее. Невроз. Не хватало только на этом заикнуться. Надо будет позвонить Вуди Аллену – так по иронии судьбы звали семейного психотерапевта, только был он крупным, спортивного вида мужчиной, и таким волосатым, будто тенниску и брюки напялили не на человека, а на сам дремучий комплекс.

Она нашла телефон Аллена, но решила, что для того чтобы не заикнуться, все же лучше поговорить не с психоаналитиком, а с отцом.

Придется ждать.

Сколько?

Она двинулась вон из комнаты. И сразу же увидела его. Маленький квадратный конверт. Он лежал на узком африканском тамтаме, привезенном еще задолго до суданской поездки Джоан. Это был знаменитый в их доме тамтам. Мистер Реникс регулярно забывал на нем очень важные для себя вещи. Например, билет на самолет, или приглашение в

Госдепартамент, или... Сейчас там лежал конверт с двумя огромными буквами «Ф» на самом видном месте. Девушка и расстроилась и обрадовалась. Теперь у нее был настоящий, ненадуманый повод позвонить отцу. Вместе с тем она понимала, что отсутствие конверта может отцу навредить. Беспечная Америка. Глава секретной лаборатории позволяет себе забыть дома на африканской безделушке, возможно, очень важный и, соответственно, секретный документ. Только почему он не позвонил с дороги или с порога лаборатории?

Джоан взяла конверт в руки. Внутри, несомненно, находился компакт-диск.

Снаружи раздался множественный, по-киношному свирепый визг тормозов. Так толпа полицейских машин паркуется у дома главы колумбийской наркомафии.

Джоан выглянула в окно и поняла, что в данном сериале роль мафиозного дома играет ее собственный дом. Семь или восемь машин. С хрустом распахиваются двери. Многочисленные люди в мятых костюмах и с неприятно серьезными лицами десантируются на газон. И стремительно шагают к дому, игнорируя наличие великолепной мощеной дорожки. Видимо, порча нравов бывает обусловлена не только падением жизненного уровня больших масс разнородного населения в стране, но и какими-то иными причинами.

Джоан, наверное, успела бы не только удивиться, но и испугаться, если б вслед за всей этой толпой не шел к дому и

дядя Фрэнк. Впрочем, едва успев успокоиться, девушка начала дрожать от страха. И с Фрэнком, и без Фрэнка ситуация уж слишком не походила на то, к чему она привыкла за двадцать пять лет своей жизни.

Страх и любопытство на равных присутствовали в ней. В любом случае от одной роли ей не отвертеться – роли хозяйки. Однако и это, кажется, не слишком актуально. Стеклопанная входная дверь внизу издала звук, который она не могла бы издать при нормальном к ней отношении. Джоан развела руками – и тут заметила, что по-прежнему держит в одной из них «ФФ»-конверт. Прятать его как следует у нее не было времени, в карман джинсов он как-то не хотел сразу влезать, и она сунула конверт за пояс джинсов.

– Здравствуйте, дядя Фрэнк.

– Здравствуй, девочка.

Они сели напротив друг друга. У нее испуганный взгляд, у него унылый. Она затаила дыхание, он шумно вздыхает. Ему неудобно из-за большого пистолета под мышкой, ей – из-за маленького конверта на лобке.

– Где папа?

– Слушай меня внимательно, девочка.

– Что с папой?

– Ты же понимаешь, ты для меня как дочь.

Джоан одновременно похолодела и почувствовала, что сейчас вспыхнет.

– На меня ты можешь положиться во всем. Я всегда был

рядом с твоим отцом. Это был такой человек, это был великий человек.

– Что случилось?!

Фрэнк тяжело пересел на ту часть дивана, где сидела Джоан. Обнял ее за плечи, погладил по голове. Он продолжал говорить что-то успокаивающее и подбадривающее, но при этом делал одним глазом такие сигналы ребятам в мятых костюмах, что мебель в доме хрустела, картины качались, электроприборы выворачивались наизнанку.

– Папа умер?

– Нет, он погиб. Погиб как солдат на передовой.

– В лаборатории?

– Зачем ты спрашиваешь? Хотя да, он, наверное, сказал тебе, что поехал в лабораторию. Он всегда в это время ездит в лабораторию. И там произошел несчастный случай. Нелепый случай. Опыт был простой. Даже, может быть, слишком простой. Он пренебрег обычными мерами предосторожности.

– А что делают эти люди?

Фрэнк поежился и покашлял в руку, свободную от оказания дружеских ласк дочери друга.

– Одна деталь, мелочь, но важная мелочь. Ее не оказалось на месте.

– Она могла бы его спасти?

Фрэнк задумался, у него не было готового ответа на этот вопрос.

– Можно сказать и так.

Джоан попыталась высвободиться из объятий отцовского друга.

– Зачем они роются? Я сама все покажу.

– Нет, нет, сиди, прошу тебя. Они сами разберутся.

– Но я лучше знаю свой дом, я покажу все места, где папа мог что-нибудь оставить по работе.

Джоан еще раз дернулась, но поняла, что объятия отцовского друга не разожмутся. Поведение мятых костюмов ей все больше не нравилось.

– Послушай, ты ведь звонила сегодня в лабораторию?

– Да.

– Умница, потому что не отпираться.

– А чего мне отпираться?

– Что ты хотела сообщить ему?

– Папе?

– Папе, папе.

– Ну-у, как вам сказать, ну...

– Так прямо и говори. – Голос у дяди Фрэнка стал неуловимо неприятным. – Не плачь, не плачь, не надо пока плакать. Мы не доделали важное дело. О чем вы с ним беседовали?

Джоан не плакала, ей хотелось послать всех, и дядю Фрэнка в том числе, подальше, но она до сих пор никак не могла принять всерьез мысль о смерти отца. Сейчас подъедет его машина, сейчас он войдет. А все происходящее – дурной

театр.

– Мы с ним не доспорили.

– О чем?

– Как о чем? Обо всем. О мире, об Африке, что нельзя так.

– Как?

– Я сказала, что Америка... да не все ли теперь равно, раз его нет...

И Джоан наконец разрыдалась. Она плакала не только по отцу, но еще и потому, что была не уверена, стоит ли сейчас отдать дяде Фрэнку конверт. Может быть, потом, когда она сама во всем разберется. Но только не сейчас!

Глава пятая

Выбор цели

Территория США

Определить место действия точнее не представляется возможным

Разъехались в разные стороны стальные створки ворот, на каждой из которых красовалось по пышному парику из колючей проволоки. Офицеры в касках долго рассматривали документы, пинали колеса, подносили к корпусу легковушки штуки на длинных штативах, похожие на студийные микрофоны.

Через двести ярдов – еще один пост. Тут главными были собаки. Им позволялось все. Они требовали вскрыть багажник, предъявить бумажник, снять пиджак – старина Фрэнк покорно, автоматически повиновался.

Затем машину пришлось оставить (тогда зачем было ее так тщательно обыскивать) и пройти шагов сто по бетонному полю, далее столько же по коридорам, где в стенах вспыхивали зеленые лампочки и что-то жужжало. Две индифферентные женщины в страшно накрахмаленных белых блузках и черных галстуках снова заставили Фрэнка раздеваться, велели даже снять ботинки. Убедившись в том, в чем им надлежало убедиться, они вызвали бронированный лифт, и

старина Фрэнк отправился куда-то, как всегда во время таких визитов, не зная, вверх движется или вниз.

Мистер Шеддер принял его в небольшом кабинете. Он сидел, откинувшись в кресле, перед ним сиял полировкой коричневый стол, на котором лежал остро очиненный карандаш. Картина должна была свидетельствовать о стиле работы Шеддера: все дела до единого распутаны и сданы в архив, никакого хлама повседневной работы.

Старина Фрэнк (он заметил, что сам себя так иногда называет) остановился у противоположного края стола.

– Что удалось выяснить? – спросил Шеддер, снимая очки, словно собираясь прямо сейчас приступить к сличению каких-то доказательств и фактов.

– Все говорит за то, что парень – я имею в виду летчика – был ненормальный. Такие нападают на школы с карабином, а до того год состоят в обществе анонимных алкоголиков.

– Этот состоял?

– Этот нет, я просто для примера.

– К дьяволу твои примеры! Ты мне должен объяснить, как могло получиться, что ведущий инженер важнейшего и секретнейшего проекта, направляясь со всей новейшей документацией на испытания, столкнулся с психованным самолетом, управляемым человеком, которого выгнали с пилотских курсов за нерегулярные посещения занятий и регулярные посещения сеансов психотерапии. Что ты открыл рот? Хочешь сказать, что это рок, судьба, трагическое стечение

обстоятельств?

Фрэнк пожал плечами. Собственно, других объяснений у него не было.

– Что ты молчишь? Что-нибудь сделано? Ты поговорил с девчонкой?

– Уже через час после столкновения на шоссе мои люди перерыли ее дом. Не только поговорил, но и ощупал.

Шеддер мстительно надел очки.

– И, конечно, ничего не найдено?

Фрэнк грустно и отрицательно покачал головой. Шеддер взял карандаш и начал стучать незаточенным концом по полировке.

– На месте катастрофы ни одного интересного куса бумаги или пластика. Откуда столько горючего в этом угнанном самолете? Дома ни одной зацепки, компьютеры будто вылизины изнутри. Убийца всего лишь за два часа до дела прибыл из Бостона. Никаких пересечений с семейством Реникс. Может, он был знаком с умершей миссис Реникс? Влюбленность? Месть?

– В ту пору ему было тринадцать лет.

– Иногда этого вполне хватает.

– И они никогда не встречались, по нашим данным.

– Кто может поручиться за полноту ваших данных? Архивы Страшного суда нам пока не доступны.

Старина Фрэнк поднял глаза к ровно светящемуся потолку.

– Есть одна маленькая зацепка, сэр.

Шеддер задержал занесенный для удара по столу карандаш.

– В России занимаются подобной проблемой.

– Знаю не хуже тебя. Известно мне даже то, что мистер Винглинский скорее имитирует эти занятия, и мы, насколько я в курсе, помогаем ему разыгрывать сей спектакль. Он хочет пошатнуть акции тамошних нефтяных компаний с помощью научной шумихи, поднятой здесь, а потом исподволь скупить их. Метод вычурный, какой-то соросовский, но нам это не повредит. Тем более что нам он оказывает регулярные и порой даже рискованные для него услуги.

– Это наша легенда, сэр, что новая энергия – бред графоманов от науки. А ведь у него могут быть совсем другие. Вы же знаете психологию марионеток. С какого-то момента у них появляется ощущение, что они в силах двигаться самостоятельно.

Мистер Шеддер задумался. Настолько, что рассеянно вызвал секретаршу с чаем. Некоторое время он смотрел на едва заметные извивы поднимающегося от чашки пара.

– А что девчонка?

– Зеленая, пацифистка, антиглобалистка. А по внешнему виду, как ни странно, кукла Барби.

– Может, она успела что-нибудь припрятать, пока вы добирались до их дома?

– Маловероятно. Насколько я ее знаю – а знаю я ее с са-

мого рождения, она не из того теста. Если бы нашла что-нибудь странное, кинулась бы за объяснениями к дяде Фрэнку.

— Ладно, ладно. — Мистер Шеддер начал карандашом размешивать чай. Не из-за внезапной рассеянности, а чтобы показать, какой бардак царит сейчас в делах и как он этим раздражен. Отставил чашку испорченного чая. — Но вы за ней послеживайте, не хватало нам тут внезапной продолжительницы отцовского дела. Бензиновой Индиры Ганди.

Фрэнк согласно наклонил голову.

— Такое впечатление, Фрэнк, что вам есть еще что сказать. Я угадал?

— Как всегда, сэр.

— И?..

— Я навел справки. Господин Винглинский является почетным членом того самого аэроклуба. Года два назад он был здесь. Даже поднимался с инструктором.

Мистер Шеддер сидел, будто остекленевший.

— Вы понимаете, что вы мне сказали, Фрэнк?

— Думаю, да, сэр.

— Думаю, нет, Фрэнк. Может статься, что это известие ничего не значит — простое совпадение, но не исключено, что в нем ответ на все вопросы.

— Многовато случайностей, сэр. И все связаны с самолетами.

— Вот именно. Теперь идите и ройте, копайте, бурите, но найдите мне информацию о том, что мистер Винглинский

пытался подъехать каким-нибудь образом к нашему топливному центру.

Мистер Шеддер еще некоторое время размышлял.

– Мы могли бы прямо сейчас прищемить ему хвост, но он уже намечен как очень важная фигура в некоторых других наших планах. Больших планах, старина Фрэнк, настолько больших... И не вздумайте проговориться, я хочу умереть в своей постели, и пусть последний стакан виски подаст мне моя старуха, а не тюремный капеллан.

Глава шестая

Кандидат из-под воды

Канарские острова, о. Тенерифе

Андрей Андреевич Голодин совершал погружение в бассейне клуба дайвингистов. Он был уже почти на предусмотренной глубине, когда дело опять пошло как-то не так. Перехватывало дыхание, застучало в висках, и нос – его прекрасный, всей стране известный своей монументальной импозантностью нос – не стал продуваться, хотя все четыре инструктора утверждали, что он просто обязан на этой глубине продуться при самом небольшом усилии. Андрей Андреевич потерпел секунду и, тут же позабыв про условные знаки, предусмотренные для общения в воде, начал выделять руками такое, что инструктор, погружавшийся непосредственно вместе с ним, предпочел дать команду на всплытие.

Оказавшись на поверхности и сорвав с лица резиновые и пластмассовые вериги, Андрей Андреевич неприязненно, хотя и с оттенком юмора, поинтересовался:

– Вы что, и вправду решили меня утопить? Инструктора переглядывались у него за спиной, и взгляды их говорили только одно: безнадежен.

Андрей Андреевич поднялся по мраморным ступенькам из бассейна, приговаривая: «Хватит, на сегодня уж точно хватит». Его плечи услужливо облек длинный банный халат с вертикально расположенной картой России во всю спину. Андрей Андреевич сел к сервированному у края бассейна столику таким образом, что его ягодичы точно пришлись на Урал. Попивая свежесжатый сок из высокого, как его помыслы, стакана, Андрей Андреевич неприязненно косился в сторону черного скопления людей и предметов в глубокой части бассейна, где его только что пытались посвятить в волшебный мир дайвинга. Уж лучше в масоны, мысленно пошутил господин Голодин и тут же заулыбался. У него была счастливая способность легко возвращаться от неприятных эмоций в бодрое, оптимистическое состояние духа, очень облегчавшая ему карьерный рост и позволившая дослужиться до чина заместителя премьера. Когда на него кричали, он реагировал спокойно, охотно признавал ошибки, даже если признавать было нечего. Этим он импонировал начальству, которое никогда не ждало мести с его стороны, а когда понимало, что ошибается, обычно оказывалось уже поздно. Будучи украинцем по матери, он взял своим жизненным девизом изречение историка Костомарова: «Хохлы не мстительны, но злопамятны ради осторожности».

Он допивал третий стакан сока и раздумывал над тем, что бы такое истребовать себе на завтрак, когда к нему приблизился высокий сухопарый мужчина с приветливым, но одно-

временно чуть хищным выражением лица. Начальник службы безопасности бывшего вице-премьера российского правительства Кирилл Капустин. Человек поистине незаменимый для Андрея Андреевича. Так было и в дни высокого политического взлета господина Голодина, и особенно теперь, в дни опалы и канарской ссылки. Они знали друг друга не менее двадцати пяти лет, еще с институтской скамьи, и всегда Кирилл Капустин занимал как бы чуть-чуть подчиненное, обслуживающее положение при Андрее Голодине. Нет, слово «обслуживающее» тут слишком сильно. Просто Кирилл, учившийся, что называется, на «медные деньги», всегда отдавал себе отчет в том, что маршальский внук и сын крупного внешторграбownika Андрей – человек с другими привычками, его кость белее. Точным определением своего места в пределах их дружбы Кирилл был застрахован от унижений. В начале восьмидесятых Андрей привлекал его своей, как сейчас сказали бы, «продвинутой» стилистикой. Джинсы, видеомэгнитофоны, Генри Миллер, настоящие «Мальборо». Кроме того, широкие возможности Андрюши притягивали к нему целые рои девиц. И часто случалось так, что приезжали они в гости к Голодину, а спал с ними Капустин. Но это уже мелочи.

Хорошо знавший английский Андрей называл Кирилла Дживзом, сам себя, очевидно, считая Берти Вустером. Капустин подтянул язык, прочитал пару романов Вудхауза и не считал нужным обижаться. Все же лакей был самым умным че-

ловеком в этих книжках. А Капустин себя даже и лакеем не считал.

– Ну, что там еще? – спросил Андрей Андреевич, предчувствуя, что начальник службы безопасности пришел с неприятной новостью.

После института они потеряли друг друга лет на пять. А потом, в самом начале политической карьеры Голодина, Капустин сам явился к нему на прием и объяснил, что хотел бы работать у него. Кем угодно, хоть шофером. Молодой «растущий», как говорят бюрократы, работник взял к себе старого товарища и никогда, ни разу об этом не пожалел.

– Придется встретиться с одним человеком.

Столь императивный тон Кирилл допускал не часто, и Андрей научился не злиться: это всегда оказывалось по делу. Как правило, Кирилл был психотерапевтом, но иногда и хирургом.

– А каким образом этот человек меня нашел? Я здесь инкогнито. В газетах не было ни слова.

– Такие люди имеют источники информации помимо газет.

Андрей Андреевич поставил стакан на стеклянный столик с явно оппортунистическим стуком.

– Я отошел от дел. На время, может быть, но отошел. Я имею право отойти от дел?

Андрей Андреевич любил иной раз выразиться в стиле старого аристократического романа. Кирилл счел нужным

ему подыграть.

– Но вы же не ушли на покой.

Он всегда называл шефа на «вы», даже когда они были наедине. Это Голодину нравилось, а Капустину абсолютно ничего не стоило.

– И почему ты решил, что эта встреча такая уж важная?

В ответ начальник службы безопасности достал из кармана маленький желтый мобильник. Глаза господина Голодина удивленно-радостно округлились.

– Нина?! Она здесь?!

Капустин отрицательно покачал головой.

– Но этот номер знает только она!

Беззаветно любимая дочь, свет в окошке, человек, с которым было связано все чистое, светлое, свежее в грязноватой и затхлой душе отставного политика.

– Это не она, – спокойно и жестко ответил Капустин.

– Тогда... то есть... объясни! Впрочем... – Андрей Андреевич бессильно и покорно махнул красивой дланью. – Даже сюда пролезли. Кто мог им сказать, а, Кирюша? Кто продал? Ну ничего святого, даже вот на столечко.

Кирилл улыбнулся.

– Я думаю, здесь дело не в предательстве или в чем-то подобном. Людям, которые знают все, невозможно продать часть того, что они знают. Для меня самого этот звонок был как удар обухом. Мы даже не под колпаком, мы в голой степи на ветру.

Андрей Андреевич несколько раз глубоко вздохнул.

– Ладно. Дай хоть переодеться.

– Не обязательно.

– Он что, уже здесь? – Господин Голодин с трудом огляделся, наливая лицо кровью.

– Вон он идет.

Андрей Андреевич увидел человека, приближавшегося к нему по краю бассейна.

– Так это какой-то китаец! Нас что теперь – желтомазые покупают, да?

– Выйдемте на балкон, Андрей Андреевич. Голодин взял с собой не только свое недовольство, но и кисть винограда.

Господин Ли оказался хоть и китайцем, но вашингтонским высокопоставленным чиновником. Настолько высокопоставленным, что в его присутствии господин Голодин даже не посмел открыто наслаждаться виноградом. Сделал вид, что ему расхотелось, и сунул кисть Капустину.

Господин Ли, несмотря на кристальный английский, все же привнес в беседу немного восточного колорита. Некоторое время – несколько секунд – после положенных приветствий он созерцал не русского гиганта в халате, а остров Гомера, вид на который открывался с балкона.

– Гляжу я на горы, и горы глядят на меня, так долго глядим мы, друг другу не надоедая.

– Что? – спросил господин Голодин.

И господин Ли тут же, без всякого перехода от лирики к

политике, буквально в двух словах объяснил ему цель своего приезда в такую даль.

– А почему вы решили, что я гожусь?

Господин Ли опять посмотрел на горы – общение с ними явно доставляло ему больше удовольствия, чем разговор с этим господином в халате.

– Вы знаете, какой у меня рейтинг? У меня нулевой рейтинг! Помните ярлык, что прилепили мне эти желтые, извините, газетеры, – «господин процент»? Так это неправда, если смотреть с точки зрения выборов. У меня нет этого процента.

«Рейтинг, это незаконнорожденный сын иерархии», – подумал Капустин.

– Мы знаем, – спокойно сказал поэтически настроенный гонец Госдепартамента. Начальник охраны чуть вздрогнул, такое было впечатление, что американский китаец ответил на его мысли, а не на вскрики Голодина.

– И все статистики – и ВЦИОМ, и «Меркатор», и Грушинская свора, и шайки поменьше – талдычат только одно: я труп, политический труп. Всякие Бунички, Павловские...

– Мы знаем.

Андрей Андреевич всплеснул руками:

– Тогда объясните, на кой я вам сдался – без малейшего шанса выйти во второй тур? Чтобы потом меня можно было пристрелить и сорвать выборы? – Он посмотрел на Капустина, сухое гладиаторское лицо которого ничего не выража-

ло, и вновь воззрится на китайца. – Если вы все это знаете, то почему? Возьмите любого другого. Хоть Явлинского, хоть Хакамаду. Немцова возьмите. Билыха.

Посланец поморщился.

– Не надо больше называть имен.

– Но вы мне не ответили. Почему я? Может, мне хочется спокойно дожить до старости тут, на островах, или на Огненной земле стрелять белых медведей.

– Там нет белых медведей. Там рядом Антарктида. Белые медведи есть в Арктике. Арктос – от греческого «медведь». Ант – отрицательная приставка. Антарктика – место, где нет белых медведей.

Андрей Андреевич смолк и как-то осунулся. Подобно всякому русскому человеку, он испытывал непреодолимое уважение к носителю точного знания. Эта краткая лекция окончательно раздавила его.

– Я вам объясню, почему выбраны вы. Во-первых, и у всех других либеральных политиков в России шансы примерно такие же, как и у вас, то есть близкие к нулю. Но вы отличаетесь от них тем, что они могут отказаться от нашего предложения, а вы нет.

Андрей Андреевич покраснел от обиды и ярости.

– Вы больше всех названных господ подходите нам по характеру.

– Что вы имеете в виду?

– У них у всех есть комплекс Костюшко, а у вас он отсут-

ствуует.

– Какое еще костюшко?!

– Если вам неизвестен этот эпизод мировой истории...

– Да знаю я, кто такой Костюшко!

– В таком случае вы легко вспомните: когда императору Наполеону пришло в голову восстановить из небытия Польшу, он предложил польскому патриоту Костюшко возглавить будущее правительство. Тот согласился, но при одном условии.

– Что за условие?

Господин Ли улыбнулся. Теперь ему интереснее были не горы, а Андрей Андреевич, которого он рассматривал с особым удовольствием.

– Вот и император поинтересовался – какое условие? Ему ответили, смущаясь, что Костюшко готов возглавить Польшу, если из нее уберутся все французы. «Что передать польскому патриоту?» – спросили Наполеона. «Передайте ему, что он дурак!»

Андрей Андреевич одним тяжелым глазом покосился в сторону китайского умника.

– Так вот, Андрей Андреевич, все перечисленные вами российские политические деятели – дураки. Они начали ставить нам условия, как будто их избрание на пост президента России будет их личным успехом, а не успехом наших денег и других ресурсов.

Запахнув халат, Андрей Андреевич прошелся по балкону.

Китаец продолжал говорить, беззаботно улыбаясь:

– Ставя такие условия, они, видимо, любовались собой, чувствуя себя совестливыми людьми. С душами, не до конца сожженными политическими страстями. Вы отличаетесь от них в выгодную сторону, вы полностью наш. Вы готовы на все. И это не отсутствие совести, а лишь отсутствие иллюзий.

– То есть вы сейчас мне прямо говорите, что я готов продать на корню, а у этих... ну... есть что-то за душой.

– Выяснение таких деталей имело бы смысл, если бы происходило в сугубо личном, а не политическом плане. И потом, то, что вы готовы работать с нами на наших условиях в деле избрания нового президента России, совсем не значит, что вы плохи как человек. Вспомните, сколько в вас замечательных качеств. Надежный друг, нежный любящий отец...

Голодин как медведь, защищающий заветную берлогу, поднял огромные лапы:

– Не будем об этом.

– Хорошо, не будем об этом, будем о другом. Я сейчас напишу на бумаге некое число. Сумму. Столько мои поручители намерены вложить в наше совместное предприятие. В ваши выборы. И прошу отметить, насколько эта сумма отлична от нуля.

Оная сумма произвела на господина Голодина такое впечатление, что он на некоторое время потерял возможность двигать членами, даже губами. Воспользовавшись этим, господин Ли быстро поклонился, сказал, что дальнейшую связь

они будут держать через господина Капустина, и удалился, как будто его никогда и не существовало.

Когда господин кандидат в президенты обрел способность владеть собой, начальник службы безопасности сунул ему в руку сбереженную кисть винограда. Прожевав несколько сочных ягод, Андрей Андреевич решил, что пора что-нибудь сказать. И выдал мысль вполне уместную:

– Ученый какой китаец. Капустин кивнул:

– Знали, кого посылать. Обычный американский нахрапотут бы не прошел.

– Да, – осанисто согласился кандидат, – нахрапом меня не взять.

– И потом, Андрей Андреевич, если резюмировать ситуацию в том, историософском стиле, что предложил нам господин Ли, я, чтобы снять неприятное послевкусие беседы, предложил бы не только виноград, но и один исторический анекдот.

– Предлагай.

– Когда небезызвестная принцесса Екатерина отправлялась в Россию, чтобы стать супругой наследника престола, ее ведь тоже энергично наставляли. Фридрих II просто завербовал девчонку. Она ехала к нам его агенткой.

– Я-то тут при чем?

– Но когда Екатерина села на царство и рассмотрела, чем именно владеет, послала она этого Фридриха и таких, как он, ко всем чертям.

– С бабой меня равняешь?

– Тут все дело, какая баба.

– Правильно. Ты все-таки, дружок, проводи расследование, как они до Нины добрались. Не зря звонили именно на этот телефон. Это ведь не телефон, Кирюша, ты понимаешь?! Это моя ахиллесова пята и одновременно моя простата. Знали, собаки, за что меня взять. Тут или предательство... или я вообще не знаю, что думать.

– Я уже начал расследование.

Господин кандидат откинулся в кресле и закрыл глаза расслабляясь. Он, как уже сказано выше, умел легко переходить из одного эмоционального состояния в другое.

– А знаешь ли, Кирюша-друг, сколько ноликов было в той сумме, что он мне намалевал?

Начальник службы безопасности только дернул сухой щекой.

– Это не моего ума дело.

Андрей Андреевич смачно захохотал:

– Правильно, правильно мыслишь, каждый сверчок, понимаешь ли...

Кандидат не договорил и опустил в распахнутую пасть целую кисточку винограда – как связку нулей.

Глава седьмая

Номер без номера

г. Калинов, отель «Парадиз»

Капитан Захаров сидел в кресле-гиппопотаме и внутренне трясся, что наблюдалось даже внешне. Он был трезв, трезв давно – не менее трех дней, и трясся от страха. И злобы.

Страх он испытывал перед господином Винглинским, имеющим прибыть в распоряжение отеля «Парадиз» с минуты на минуту. Злоба была направлена на неизвестного стукача, намекнувшего давеча кому-то в окружении олигарха, что капитан, которому поручено техническое и оперативное обслуживание информационного бункера службы безопасности концерна «Интернефть», использует бункер в своих личных целях, и цели эти носят самый низменный характер.

Ведь зарекался. Ведь был уже пример в биографии. Несколько лет назад лейтенант Захаров работал в системе электронной охраны жилого фонда. И завел себе манеру: когда выяснялось, что хозяева квартиры, поставленной на охрану, убыли надолго, он сам начинал себя вести как хозяин этой квартиры. Водил туда девок и устраивал дебоши. Но однажды зарвался. Привезенного с собой алкоголя не хватило, и рука охранника вошла в хозяйский холодильник. По-

чатая бутылка водки и банка шпрот – вот вещи, способные обрушить приятную карьеру. Хозяин оказался зубным врачом городского прокурора, потому и не удалось все замять. С каким трудом потом нашел себе приличную работу...

И опять на те же «шпроты»!

Осторожно, двери открываются.

В полумрак номера с неприятной бесшумностью проникли двое, а потом еще двое молодых людей в черных пальто и темных очках. Всем своим обликом они говорили: мы телохранители, дабы пресечь на корню появление вредных помыслов у встречной публики. И точно: при виде вышколенной охраны нормальные люди вели себя как при приближении пары ротвейлеров, – останавливались, опускали руки и отводили глаза в сторону.

Капитан Захаров просто еще сильнее вжался в кресло.

Сергей Янович Винглинский появился секунд через десять после своей охраны. Высокий и стройный белобрысый человек с бледно-серыми глазами. Лет ему было около сорока, и, если смотреть со стороны, самым слабым его местом оказывалась прическа – легкий пушок на удлиненном тутанхамоновском черепе. Обычно вид этой с трудом сберегаемой прически вызывал у Захарова злорадство в адрес шефа – лысеешь, бедняга – и настраивало на философский лад: мол, никакими миллиардами не восполнишь недоданное природой!

В данный момент почему-то именно эта одуванчиковая

шевелюра пугала капитана более всего.

Сергей Янович вошел и не поздоровался со вскочившим Захаровым. Сделал круг по номеру, отдернул-задернул занавеску, открыл-закрыл бар, шкаф с хрусталем и произнес унылым голосом:

– Кто пил из моей чашки? Кто ел из моей тарелки?

Потом посмотрел на капитана. Тот таращился на него, ничего не думая и не ощущая.

– Что охраняем, то и имеем, да? Капитан опять не нашелся что ответить. Олигарх сел на круглый пуфик у окна.

– Надеюсь, ты не думаешь, что мне жалко, Захаров? Капитан замахал руками, потому что они раньше, чем губы и язык, поняли, как и что надо отвечать шефу.

– Мне не жалко. Тем более что ты даже со всеми блядьми этого города не выпьешь весь мой коньяк и не сожрешь...

– Я понимаю, понимаю, Сергей Янович...

– Нет, ты не понимаешь. Вот ты нацелился на должность начальника местной милиции. Нацелился?

Капитан угрюмо кивнул.

– Ты знаешь, я был «за». «За»! Потому что мне нужен был надежный человек во главе «моей» милиции. И ты был «за». Потому что рассчитывал, что я поставлю тебя во главе «твоей» милиции. Ты все время путаешь свое и чужое.

Захаров вздохнул и икнул.

– И знаешь, что самое неприятное в этой ситуации? Ты – неисправим. Потому что ты из ментуры. Это у вас в крови

– путать свое и чужое. Еще можно терпеть, когда чужое ты отбираешь у того, кто под тобой, но когда ты лезешь в карман того, кто тебе платит, – такое терпеть нельзя.

Захаров легко и беззвучно хлопнулся на колени.

– Сергей Янович, виноват, совсем виноват, но отслужу. В первый и последний раз. Голова закружилась. В первый и последний раз. Я даже пить бросил.

Олигарх брезгливо сказал:

– Да встань ты, сердце мое! Не надо тут мне Малый театр устраивать!

– Встану, встану, как скажете.

– Оставайся пока. Но справки о тебе наведу. И только тогда окончательно решу, что с тобой делать. Может, все же и уволю. И в простые банщики переведу.

Захарова это сообщение качнуло, но он пытался улыбаться, отчего выглядел особенно отвратительно.

– А сейчас надо немного поработать.

– Что вы, Сергей Янович, что вы, поработать – это я всегда. Что вы имеете в виду?

– Включи свою технику. Будет тут у нас что-то вроде пресс-конференции. Записанной скрытой камерой. А может быть, и что-нибудь другое. Пока не решено. Приедет Нинок, посоветуемся.

– Да-да, – капитан бегал по номеру, вертел каминные часы, заглядывал под юбку торшера и чем-то там щелкал.

В номер медленно вошла пара новых гостей. Невысокая

худенькая девушка в сером пальто почти до пят, горло обмотано шарфом, на шарф спадают длинные волосы. Можно еще рассмотреть острый нос и острый взгляд непонятного цвета глаз. Рядом с ней – круглый розовощекий человек в очках и с одышкой. Первая – Нина Андреевна Голодина, консультант пресс-программ «Интернефти», второй – Антоша Либава, ее заместитель, прихлебатель, человек-фон. По контрасту с его полной креативной беспомощностью любому легко выглядеть изобретательным человеком. Принят он Винглинским для трудоустройства от Андрея Андреевича Голодина в комплекте с дочерью.

Захаров слился с занавесками.

Телохранители бесшумно вытекли за дверь.

Олигарх исподлобья, но не сердито смотрел на свою помощницу по части ловких выдумок. Ему, считавшему себя одним из самых хитрых людей Северного полушария, было забавно следить за попытками других людей поделиться с ним хитростью.

Что скажет дочь «процента»? Олигарх взял ее на работу в тот момент, когда папаша ее ворочал делами в правительстве. Тогда это выглядело как услуга Голодина Винглинскому, теперь времена другие, и, держа у себя Нину, да еще с маленьким двором, Винглинский оказывал несомненную услугу Голодину. Теперь, когда «процента», кажется, начнут выпихивать в кандидаты, и схема отношений между высокими семьями опять может измениться.

Олигарх смотрел на девушку, к которой, надо сказать, успел привязаться по-человечески, и думал: чувствует ли она эти изменения в своем положении? Он относился к ней значительно лучше, чем к ее отцу. Несмотря на неудачный брак, два выкидыша и журналистское образование, Нина осталась нормальным, даже добрым человеком. И даже в профессиональном смысле показывала кое-какие результаты.

– А почему ты одна, Нин?

Она обошла номер по кругу, поздоровалась с Захаровым, постояла у торшера, у камина.

– Я так и знала, что не надо их сюда везти.

Дело состояло в следующем. Винглинский решил, что пришло время провести пресс-конференцию братьев Лапузиных – тех самых докторов технических наук местного филиала Новосибирского политеха, что с полгода назад заявили об открытии совершенно нового идеального топлива, названного ими почти поэтически – «чистая сила». Братья должны были здесь, в этом номере, на фоне городского пейзажа, чтобы не возникло сомнений, в каком именно месте происходит событие, заявить, что вынуждены свернуть работу в России и отбыть в страну, где их технически поймут и финансово оценят по достоинству. Давление родной социально-психологической среды становится невыносимым. Нам, мол, не только ставят палки в колеса – нам уже начали угрожать! Для подтверждения этих слов у директора по-

литеховского филиала Бориса Карловича Жданова за пять тысяч условных единиц купили приказ об увольнении братьев Лапузиных и приостановке деятельности их лаборатории. Кроме того, аккуратно отравили любимого кота одного из докторов. Правда, тут решили не зверствовать, выбрав самого старого и больного из трех имевшихся в семействе.

– Что тебя не устраивает, Нина? – спокойно поинтересовался Сергей Янович.

Правда, от этого спокойного голоса у капитана Захарова возникло сильнейшее желание уединиться для срочного мочеиспускания.

– Разрешите идти? – прячась за уставную манеру поведения, спросил он.

– Да, до свидания, Саша, – сказала Нина Андреевна.

– И ты, Антоша, тоже иди.

– Да, шеф.

– Так что тебя не устраивает? – обратился к девушке Винглинский, когда они остались без свидетелей.

– Я тут подумала...

– И что же надумала?

Не обращая внимания на иронию, Нина сказала:

– Не надо им давать пресс-конференцию вместе. Не надо им обоим сегодня же уезжать. Не надо им светиться в этой гламурной камере.

Винглинский встал, дошел до двери, от двери вернулся к окну.

– Чем тебе здесь не нравится?

– Понимаешь, слишком уж будет заметно, что они вырваны из своей естественной среды. Надо, чтобы вокруг были автоклавы, пробирки, электродвигатели всякие... Одним словом, я заказала съемочную группу на местном ТВ и запустила ее в институт.

– Да-а?

– Кроме того, согласишься, одно дело – официальная съемка даже самых что ни на есть местных журналистов, которые и на допросе покажут, что все видели собственными глазами, и другое – оперативная размытая картинка, снятая из-под стола каким-то анонимным шпионом.

– Ну ладно, это я еще могу понять. Но зачем их разделять? Сама же говорила, что эти бородачи сильны парным эффектом. Шоу-братья Кличко, шоу-братья Лапузины. Самородки бродят парами.

Нина слегка ослабила объятие шарфа на шее.

– До какого-то момента это было так. Теперь самый сильный ход – их разделить. Один демонстрирует действие своего изобретения здесь, в Калинове. Другой доказывает, что все это правда, где-нибудь в Бостоне. Нарастает драматизм. Это как если бы в свое время было два Солженицыных. Один в лагере, другой на CNN.

– Время теперь не измеряется в Солженицыных.

– Ладно, согласна, неудачный пример. Порок образования. Но Лапузиных, убеждена, надо разделить. Это очень за-

дерет ставки, что, как я понимаю, нам и надо.

Олигарх сел, медленно кивая.

– Все что ты говоришь, имеет смысл. Вернее, имело бы смысл, если б я собирался продолжать эту партию. Я же решил ее закончить. Что ты так на меня смотришь? Хватит! Наигрались мы в эту «чистую силу». Мы-то с тобой знаем, что это чистая чушь, выдумка двух бородатых идиотов из затхлого институтского подвала. Признаю: увлеченных идиотов, талантливых идиотов, бескорыстных идиотов. Но я с самого начала понял, что это ерунда, пустая фишка. Идеальное топливо так же вероятно, как манна небесная. Мы дуррачили самую разнообразную публику довольно длительное время. Даже повлияли на реальность в известном смысле: где-то на каких-то торгах какие-то акции взлетели на полпункта, а какие-то сползли на пункт. Но если смотреть рыночной правде в глаза, – все это в пределах обычного поведения цен.

Во время этой речи Нина смотрела на шефа несколько оторопело, но одновременно и с некоторым сочувствием.

– Честно говоря, Сережа, мне казалось, что настоящего успеха добивается тот, кто включает манну небесную в бизнес-план.

– Это все слова. Я финансист-реалист. Я олигарх. Я люблю делить бюджетные пироги, а не собирать крохи частной выгоды.

– Но ты же сам нашел информацию о том, что американ-

цы тоже роют в этом направлении. И не на полпроцента, как ты говоришь, задвигались рейтинги продаж – больше, куда больше. Нужно только подтолкнуть. И я еще не сказала тебе самое главное.

Винглинский улыбнулся:

– Говори.

Нина тоже улыбнулась:

– Главное лучше показать. Поехали. Ребята, наверное, уже установили аппаратуру.

Олигарх вдруг как-то мгновенно осунулся. Он, как и все влиятельные люди, не любил, когда его загоняют в угол, даже если это происходит так изящно. Закон управления держится на том, что иногда важнее продемонстрировать, что это именно ты принимаешь решение, а не кто-то другой, чем принять решение правильное. Кроме того, у него было еще минимум два повода не соглашаться с предложением стремительной Нины.

– Позвони и скажи, что съемка отменяется. Нет, переносится. Заплати, извинись. Впрочем, деньги – это и есть лучшая форма извинения.

Нина остолбенела. То, что делал шеф, было настолько нелогично, что вызывало чувство, как ни странно, похожее на уважение. Раздражение придет позже.

Чтобы не добивать ее окончательно, Винглинский сказал:

– Послезавтра. Послезавтра я вернусь, и мы продолжим. Вернее, начнем съемку.

Нина пожала плечами, как бы говоря: ну, хоть что-то.

Глава восьмая

В круге первом

о. Тенерифе

Кирилл Капустин сидел на диване в переговорной комнате апартаментов, занимаемых его шефом Андреем Андреевичем Голодиным. Сидел, закинув ногу на ногу, и покачивал шлепанцем, повисшим на большом пальце. Все время казалось, что шлепанец вот-вот свалится.

В креслах, расставленных, как прибрежные скалы, в живописном беспорядке, располагались его подчиненные. Четверо мужчин разного возраста и опыта. Иванов, Петров, Сидоров и Шварц. Форма одежды – курортная. На этот момент им ничего еще не было известно о резком изменении в планах их командования, и они думали... ни о чем они не думали, может быть, только о том, упадет шлепанец с ноги шефа или нет. Капустин был информированней их, он точно знал, что шлепанцу никуда не деться, потому что от природы его ступни награждены несоразмерно вытянутыми большими пальцами.

Апартаменты располагались, естественно, в первой линии отелей, и в этот тихий вечерний час отчетливо слышалась ласковая игра атлантических волн.

– Вот что я вам скажу, дорогие мои, – начал Капустин, и подчиненные перестали смотреть на его ногу, сразу почувствовав, что речь пойдет отнюдь не о том, сколько и какого пива придется загружать на яхту для завтрашней прогулки между островами.

– Вам ведь нравится здесь. Канары в январе – идеальное место для отдыха. Но время отдыха кончается. Уже сегодня вам придется разъехаться по самым разным направлениям. Карта маршрутов такая: Северодвинск, штаб Северного флота; Три вокзала в Москве, вагонные бомжатники; Южный Лондон, Эбби Вуд.

Начальник службы безопасности чуть наклонился и достал из-под ягодицы три пластиковых файла с бумажками. Бросил на низенький стол между бутылками и вазами с фруктами.

– Можете разыграть. Должна же быть у человека какая-то степень свободы. Каждый – кузнецик своего счастья.

Кирилл Капустин любил броскую, хорошо сформулированную мысль и сам иногда грешил попытками что-нибудь сформулировать. Но только обращаясь к подчиненным.

– Люди, информация на которых там собрана, должны быть в нашем новом офисе не позже чем через неделю.

– А где наш новый офис? – спросил глухим низким голосом Сидоров.

– Этого даже я пока не знаю. Так что за работу. Посерьезневшие мужчины молча разобрали папки.

– Мне не хватило, – сказал Сидоров.

– Значит, остаешься пока при штабе. А теперь, господа, – в аэропорт. Я вас буду контролировать телефонным способом.

– А если они не захотят? – спросил Шварц.

– Мне кажется, захотят. Если станут упираться, средство одно – уговоры и деньги. Не бить, не пугать. Это не враги, не просто наемники – они должны стать союзниками. Как следует прочитайте бумажки, что я вам выдал, и импровизируйте. Можете обещать золотые горы, все равно не вам расплачиваться. До свидания.

Когда они вышли, Капустин приказал:

– Сидоров, иди осмотри машину, а потом заводи. После этого начальник службы безопасности поднялся и перешел в соседнее помещение. Там Андрей Андреевич играл на компьютере в футбол. Сборная России сражалась со сборной мира и вела со счетом 19:1. Кандидат пребывал в великолепном настроении. Сегодня он наконец сумел опуститься с аквалангом на 12 метров фактически без посторонней помощи и считал, что отныне нет такой задачи, которая была бы ему не по плечу.

– Ну что? – спросил он, не отрываясь от экрана и совершенно не интересуясь ответом.

– Я ведь уже докладывал. Первая партия документов уже в избирательной комиссии. Они нам их, конечно, вернут, им надо поиграть в свои игры, и я их понимаю. Но уже готовы

и вторая и третья версии. Никаким комарам никакие носы не подточить.

– А эти твои однофамильцы?

– Петров, Иванов и Шварц уже на пути в аэропорт. Господин Шеддер обещал нам к понедельнику пару-тройку самых своих шустрых ребят, но, скажу честно, больше рассчитываю на своих.

– Каких своих?

– Своих опытных парней. Проверенных. Бывалых. В последние годы в стране не было реальной работы, поэтому их поразбросало по миру, но я – самый лучший в мире наводитель справок, и я их навел. Думаю, через неделю у нас будет великолепная семерка. Встреча на Эльбе.

– При чем здесь Эльба?

– Ну, ведь это будет русско-американская семерка. Кандидат на мгновение оторвался от мельтешащего экрана.

– И ты надеешься с шайкой каких-то политических отставников и парой самоуверенных гарвардских наглецов обраться такую махину, как Россия? Двадцать два миллиона квадратных километров!

– Теперь меньше. Всего семнадцать.

Кандидат нахмурился, как будто на него реально подействовала магия цифр, и снова вернулся к интересному – к футболу. Капустин некоторое время наблюдал за ним, стоя за спиной.

– Вы знаете, шеф, я, помимо прочего, получил сегодня

хороший сигнал. Один из тех людей, что нам необходимы, находится здесь, неподалеку.

– В Испании?

– Нет, прямо на островах. Даже на нашем острове.

– Да-а?

– Да, и это дает нам возможность немедленно приступить к работе. Едемте, я его вам покажу.

– А почему не он к нам? Я все же...

– Да, вы потенциальный его работодатель. Но, мне кажется, мы засиделись в этих апартаментах. Проветримся заодно.

Андрей Андреевич с трудом оторвался от экрана и спросил в своей манере резко менять тему беседы, не считаясь с намерениями собеседника (он прочитал когда-то у старинного риторика, что именно так должно вести себя человеку великому, ибо одно из проявлений силы и власти – непредсказуемость. Правда, справедливости ради надо заметить, что ближайшее окружение кандидата воспринимало эту его манеру как неумение сосредоточиться):

– А вот скажи мне, что это за тип – Шеддер? Он разговаривает со мною... я даже не знаю, как это он так разговаривает со мною.

– В Госдепартаменте он шишка. Формально – советник. Одна шишка из многих. Кроме того, почти уверен, он подрабатывает в разведке. И, по правде говоря, я бы счел, что нас обижают, не давая соответствующего уровня, то есть какого-нибудь сенатора-куратора, если б о нем было известно

только это. Но о нем известно еще, что он, говоря нашим языком, ногой открывает дверь в кабинет помощника по национальной безопасности и является сопредседателем какой-то важной финансовой комиссии. Короче, распределяет американские деньги между американскими целями. Так что при желании можно считать, что для работы с нами штатники выделили человека, наделенного если не особыми регалиями, то особыми полномочиями. В политике очень важно установить верное соотношение номинального веса вашего контрагента с реальным.

– Так ты установил?

– Мне кажется, да, Андрей Андреевич. Люди с регалиями выйдут из тени, когда выйдем из тени и станем расти мы.

Андрей Андреевич выключил компьютер.

– То есть мне не менять с ним тона, со Шеддером? А то учит, учит...

– Тона не меняйте, но действуйте на опережение. Как только он начинает учить, говорите, что вам это уже известно, что вы уже это делаете, а вот это уже проверено и оказалось ерундой.

Андрей Андреевич с интересом посмотрел на помощника.

– Сам дошел или у кого-нибудь прочитал?

– Все, до чего мы доходим сами, уже где-то кем-то написано.

Кандидат вздохнул и начал подниматься со стула.

– Ты говорил, что надо куда-то идти.

– Лучше съездить. И очки бы я на вашем месте нацепил потемнее.

– Кто меня здесь знает?

– Вчера на набережной я видел Черкесова.

– Футболиста, что ли?

– Не футболиста. Этого, из питерских.

– А-а, понял, наркомана.

– Скорее, антинаркомана.

– Все равно. И тот, кто торгует наркотиками, и тот, кто ловит торговцев, – оба знают, где хорошо понежиться да попить в январе на хорошем пляже.

Капустин не стал уж ему говорить, что Канары – как раз место не для современной модной знати, которая осваивает другие берега и горы, а для главбухов водочных заводов да футболистов подмосковного «Сатурна» с женами и подругами. Именно поэтому здесь разместился голодинский штаб – чтобы оказаться подальше от политической тусовки.

Сидоров доложил, что все «просветил» под пузом их «реношки», лазил и в двигатель, и в багажник. Ехать можно не взрываясь.

– Куда мы? – спросил Андрей Андреевич, когда они выскочили из города Санта-Крус. – В смысле, долго еще?

– Да, порядочно.

– Почему порядочно? Это что вам – Мадагаскар?

– Все равно восемьдесят километров с севера на юг. Вот

вулкан объединим, там уже близко.

– А, вулкан... – сказал кандидат и заснул. Проснулся уже на месте. Стемнело. Вокруг все переливалось разноцветными огнями – курорт все-таки. Множество кафешек, на столах горит по одной свечке, как будто повсюду справляют день рождения годовалых.

– Вон там, посмотрите, шеф.

Андрей Андреевич вышел из машины. Где-то за третьей линией отелей торчали две высокие освещенные мачты, с каждой свисало по толстому, может быть, резиновому тросу. Троса эти держали за бока прозрачную круглую кабину. В кабине сидели два человека. Троса вдруг задержались, приводя кабину в движение. Она металась все истеричнее, непредсказуемое – броуновское движение одной-единственной молекулы.

– Что это за черт? – неприязненно спросил кандидат.

– Аттракцион, – ответил Сидоров.

– И сколько может выдержать человек в этом аду?

– Ну-у... – протянул Сидоров, не зная точно, какой срок мог бы устроить шефа.

– Сейчас все кончится, – разрешил ситуацию Капустин и позвонил по телефону.

Через несколько минут к группе Андрея Андреевича, оглябая бок какого-то вечнозеленого, а сейчас абсолютно черного куста, подошел невысокий кривоногий человек с лицом настолько бледным, что это было видно даже в тропической

ночи.

– Элем Лик, – представил его Капустин, – в прошлом кокаинист, теперь прибегает к несколько более слабым возбудителям. Говоря упрощенно, специалист по массовым реакциям азиатских менталитетов.

Андрей Андреевич повернул к нему голову, как бы спрашивая: ты сам-то хоть понял, что сказал?

Специалист по менталитетам икнул, по законам непонятно какой культуры щелкнул каблуками и резко удалился в упоминавшийся уже куст, откуда донеслись характерные звуки. Капустин взял Андрея Андреевича под локоть и повел в сторону, пока не стали доноситься характерные запахи.

– Слушай, а он не выблюет весь свой менталитет? – озабоченно поинтересовался кандидат.

– На работе – только кофе. А то, что мы наблюдали, – это всего лишь апофеоз безделья. Мечи ржавеют без употребления, мозги тоже.

Андрей Андреевич кивнул и сказал:

– Что-то Ниночка мне давно не звонила.

Глава девятая

Старые друзья

г. Калинов

Всю дорогу до Калинова майор Елагин думал о двух вещах. О «чистой силе» и об «американке», якобы звонившей ему. Это майору не нравилось, ему было неприятно ввязываться в ситуацию, в которой кто-то разбирается лучше, чем он. Тем более если этот «кто-то» – такая проверенная гнида, как Боков.

При каждом удобном случае он звонил сыну. И тещу, и жену, и подполковника предупредил, что в случае каких-нибудь даже самых минимальных странностей – мальчик не может подойти к телефону, мальчик говорит в трубку неестественным тоном – майор немедленно возвращается в Москву. Со всеми вытекающими последствиями.

Тамара почти сразу же после каждого звонка начинала орать и отключалась, хотя Елагин знал, что как раз она-то его слова принимает всерьез и на ее страх можно положиться. Теща говорила, напротив, ровно, интеллигентно, как хорошо проинструктированная сволочь. Она никогда не любила зятя, а тут ей предоставлялась возможность не любить его одновременно с оказанием услуг «органам». Она была на вы-

соте. Боков же просто весело хохотал: он знал больше всех, и поэтому его видимая беззаботность казалась Елагину хоть какой-то гарантией того, что хоть в ближайшее время все будет так, как договорено.

Московский гость был уверен, что ни в аэропорту Калинова, ни на первых порах его деятельности в городе неприятного внимания со стороны местных властей ему опасаться не стоит, но на всякий случай въехал в населенный пункт с соблюдением некоторых мер предосторожности. Не стал садиться в такси, а почти на ходу запрыгнул в попутный бензовоз. Протрясся в нем до первой автобусной остановки, влез в переполненный салон и вскоре выскочил из задней двери в подворотню. Конечно, против опытной наружки эти детские приемы не сработали бы. Но, во-первых, откуда здесь, в уезде, взяться опытной службе наружного наблюдения? А во-вторых, это была еще и утренняя гимнастика для «взбадривания нервов».

Меньше чем через час он уже пил водку с двумя старинными своими товарищами Вовой Бобром и Аликом Кастуевым в затхлой комнатке их «фирмы», называвшейся немного подводно – «Китеж». Вход в нее тонул в самом углу серого неприбранного двора, прикрывался железной дверью и был вдобавок удачно замаскирован парой мусорных контейнеров. На окнах – толстые решетки в стиле «заходящее железное солнце».

В фирме, кроме названных, работали еще двое хороших

мужиков, но оба в настоящий момент лежали в местной больнице. «Травмы, совместимые с жизнью», – сказал остроумный Алик. Занималась фирма самыми разными делами – антиквариатом, вооруженным сопровождением, черным копательством и серой археологией. Чтобы не усложнять хорошие отношения с хорошими людьми, Елагин старался не вникать в степень законности всего бизнеса. Официально они числятся группой каскадеров – так вот пусть и числятся. Впрочем, он был уверен, что до чего-то по-настоящему преступного эти мужики не опустятся, а все остальное... Бог им судья.

Последним их делом было как раз вооруженное сопровождение научной бригады одного исторического факультета. Руководителю, местному честному краеведу, показалось, что задуманная ими проверка данных одной предыдущей археологической экспедиции может оказаться небезопасной. Ему звонили домой и нехорошими голосами предлагали не соваться на место предыдущих раскопов.

– Кляев? – спросил майор. Бобер и Кастуев кивнули и выпили.

– Но он же безопасен. Болтун, наперсточник от науки, а так-то...

Кастуев пожал плечами, а Бобер ответил:

- Нас попросили – мы съездили. Елагин налил еще.
- Ты ведь небось тоже с просьбой к нам.
- Да, Алик, да.

– Сразу изложишь или еще за одной сходить?

– Сразу изложу. И более того – больше пить не будем.

Бобер медленно вытер огромную лысую голову клетчатым носовым платком. Сколько помнил Елагин, у Бобра платок всегда был клетчатым, и чувствовался за этим то ли фетишизм, то ли символизм.

– Начнем с того, что я назову вам два слова.

– «Чистая сила»? – усмехнулся Кастуев.

Елагин с досадой вздохнул, он не любил, когда на высоте положения находились другие.

– Рассказывайте.

– А что тут рассказывать, – Бобер снова прошелся по черепу платком. – Пару месяцев назад обратились к нам двое братьев-профессоров. Им было нужно маленькое, но все-таки охранное агентство. По-моему, они чего-то сильно боялись. Только сами не могли решить, чего именно.

– Им хотелось, чтобы их кто-то немножко охранял, но вместе с тем не подмял под себя, – пояснил Кастуев. – У нас была наиболее подходящая репутация. Не полные уроды, связь с институтами, люди сильные, но не бандиты. Ведь мы даже в кляевском деле краешком засветились, и с хорошей стороны. Долго рассказывать, но поверь.

– Верю.

– Профессора говорили, что дело у них великое, мол, приобщимся по-настоящему. Не кляевская туфта. Не этаноловые глупости, это когда гонят бензин из проса.

– Это понятно. И вы согласились?

– Нет, конечно. Встречались пару раз – у нас, у них.

Но им, насколько я понял, нужны были скорее вооруженные грузчики и одновременно тупоголовые единомышленники. То есть думать будут они, а рисковать – мы.

– А у нас после этих «сидячих кладбищ», – добавил Бобер, – идиосинкразия к псевдонауке всякой. Вообще было ощущение, что братья-профессора хотят нас на один пионерский азарт взять, будто мы юннаты какие. Сейчас всего этого очень много. Не знаю, как в Москве, а тут и знахари, и «места силы» ищут, и...

Егоров кивнул:

– В Москве то же самое. Но считается, что могущество России будет прирастать именно сибирской дурью. Воевать с этим бесполезно. Только в частном порядке, ради восстановления своей научной и человеческой чести. Я, кстати, придумал ответ Кляеву.

Кастуев распаковывал сырок «Дружба».

– Расскажи.

– Потом, Алик. Лучше вы мне расскажите, что было дальше. Братья-профессора пошли к бандитам?

– Может, и ходили, только бандиты у нас без воображения. И самое страшное слово для них – инвестиции. Умеют только одно – грести в карман все, что гребется. Короче, бандиты им ничего не дали. Послали с их мировым открытием. Тогда они решились на акт отчаянья. Как это обычно

бывает: письмо в бутылку – и в Интернет.

– И случилось чудо! – хлопнул в ладоши Бобер. – Деньги посыпались как из вскрытого сейфа. Учебные корпуса их сраного филиала обнесли колючкой...

Майор встрепенулся:

– Винглинский?

– Ну да. Конечно, Винглинский. Он у нас что-то грандиозное задумал. Власть решил свою установить. Мало того что ментовка куплена, прокуратура, хочет, чтобы тут и мэр его сидел.

Елагин несколько раз глубоко вздохнул. Огляделся. Обшарпанные стены, обшарпанный сейф, разнокалиберные стулья, под потолком чуть живая лампочка... Все понятно: зачем украшать то, что в любой момент может быть разгромлено. Но просить больше некого.

– Теперь я обращусь к вам с просьбой. Мне надо как-то выйти на этих профессоров. Выяснить, чем они там занимаются на самом деле.

Бобер и Алик вразнобой, но оба отрицательно покачали головами.

– Ни то, ни другое просто не в наших силах, так что при всем отношении...

Елагин кивнул.

– Понимаю.

Посидели так несколько секунд, и майор поднял глаза. Бойцы переглядывались. Физиономия Бобра была непри-

ятно искривлена, брови Алика сдвинуты. По совокупности этих мимических фигур можно было предположить, что они все-таки хотели бы выручить старого друга, только не уверены, насколько их желания соответствуют их возможностям.

– Что? – спросил майор. Бобер кашлянул, Алик объяснил.

– Мы все-таки были у них пару раз. Еще до колючки, до охраны. Теперь там, конечно...

– Но попробовать-то можно!

– Попробовать можно, но никакого результата гарантировать нельзя. Вдруг этих Лапузиных там и нет давно? Ходит слух, что один уже за кордоном. Короче, ты уж извини, помочь-то мы тебе попытаемся, но что ты там найдешь...

Майор откинулся на спинку кресла, благодарно посматривая то на одного, то на другого собеседника.

– Это мое дело.

– Но, сам понимаешь, на подготовку уйдет время. Разведка. Надо присмотреться, иначе это просто ход головой в петлю.

– Хорошо, Бобрик, присмотримся, а вечером поедем.

– Я думал, ты нам хоть пару дней дашь.

– Дал бы, мужики, только мне вот их никто не дает. Майор, конечно, подумал о сыне. Он еще ни разу даже в глубине души не осмелился предположить, что Игорька у него похитили. Официально, с разрешения, может быть, генералов с большими звездами, но похитили. И ему ничего другого не остается, как сделать порученную работу. И желательно как

можно быстрее.

Глава десятая

Ненормальная американка хочет в Россию

Кабинет мистера Шеддера

Все как всегда: идеально отполированная поверхность стола, едва заметная струйка пара над чашкой чая, блуждающий в подагрических пальцах карандаш. Старый служака Фрэнк все чаще задумывался (что никак не рифмовалось со смыслом и содержанием его работы) об образе вечности, ожидающей каждого из нас. И ему казалось, что мистер Шеддер даже не заметит, как умрет, ибо «там» его снова будут ждать и неуловимый аромат чая, и идеально очиненный карандаш. И он, верный работяга Фрэнк, с докладом. Почему-то при виде мистера Шеддера он вспоминал одну историю, вычитанную в газете. Про старую деву, мечтавшую поскорее уйти из этого отвратительного, как она считала, мира. У нее спрашивали: «Мисс, вот вы пытались повеситься, а вдруг „там“, куда вы попадете, будет еще хуже?» – «А я и „там“ повешусь!» – отвечала мисс. На старину Фрэнка эта история почему-то веяла неистребимым оптимизмом. Все же великая вещь – сильный характер.

– И каким же образом вы сообщите мне на сей раз, что

наши дела все так же стоят на месте, дружище Фрэнк?

– На сей раз у меня есть возможность сменить пластинку.

Мистер Шеддер даже не моргнул глазом, как будто не умел этого делать.

– Мисс Джоан Реникс собралась в Россию.

– Вот это да! И куда же именно?

– Пока в Москву, насколько я могу судить. У нее там есть какой-то знакомый.

– Она же никогда не бывала в России.

– Но этот ее знакомый бывал в Штатах. Служил в посольстве. У нас считалось, что он связан со спецслужбами.

Потом он вернулся в Россию, и есть основания думать, что по собственной инициативе. Со скандалом.

– Какая-то маскировка?

– Навряд ли. На американском горизонте этот человек больше никогда не показывался.

Мистер Шеддер отхлебнул чая.

– И как же они познакомились?

– Думаю, банально – через сеть.

– Ах да, ах да. И вы уже сообразили, как себя вести в этой ситуации. Еще раз обыщите дом, запретите девушке выезжать с территории Соединенных Штатов под каким-нибудь медицинским предлогом?

– Я полагаю, это бесперспективно, сэр.

– Ну так говорите, что вы считаете перспективным.

– Мы решили дать ей в сопровождение спутника. Одно-

временно и защита, и контроль. Тут только одна проблема.

– Я больше люблю слушать об идеях, чем о проблемах, но уж говорите.

– Джоан намеревается ехать скоро. Мы собирались подвести к ней в подходящей обстановке какого-нибудь первоклассного парня. Раскинули мозгами и решили, что тут лучше подойдет тип не, условно говоря, Брэда Питта, а Индианы Джонса.

Выражение лица мистера Шеддера сделалось невыносимо кислым.

– Bravo, Фрэнк, представляю, как много вы истратили серого вещества, чтобы доковылять до такого оригинального решения.

Фрэнк слегка набычился.

– Вы считаете эту мысль неудачной, сэр?

– Никакой я ее пока не считаю, потому что еще не успел как следует обдумать. Тут ведь сразу несколько опасностей. Если она увлечется, ей вообще станет безразлична история с папочкиным провалом и с защитой семейной чести, и Москва отпадет сама собой. Поверьте, свежий любовник всегда предпочтительнее мертвого отца. А нам ведь желательно, чтобы она туда поехала?

Фрэнк торопливо кивнул:

– Ну так вот этот наш свежий любовник и настоят, что надо ехать.

Шеддер неудовлетворенно поежился в кресле.

– Как-то неубедительно: только познакомились – и сразу в Москву. Кому нужна Москва в такой момент?! И потом, где у вас гарантия, что он сумеет дотащить нашу умницу до постели в достаточно короткие сроки? Или вы рассчитываете, что он потащит ее в постель через Москву и Сибирь? Все начинается как синхронизация творческих и душевных устремлений. Красавец, молодой ученый, который не лезет сразу же под юбку думающей женщине, – надежная опора в этом полярном путешествии? А вам не кажется, что ей захочется сначала показать его психоаналитику, а уж потом отправляться в путь?

Фрэнк достал из папки пачку фотографий. Шеддер быстро перебрал пальцами, не выпуская карандаша, эту галерею зверски улыбающихся самцов.

– Вот на конференции по проблемам кариеса они бы точно произвели впечатление.

– Будем искать еще.

– Ищите еще. Фрэнк встал.

– У вас нездоровый цвет лица.

– Это предупреждение об отставке?

– Наоборот. Хочу поделиться секретом одной диеты. Тринадцать часов. Один раз в сутки у вас обязательно должно проходить тринадцать часов между приемами пищи. Легче всего это устроить между вечерним и утренним. Поужинали в восемь – завтракайте не раньше девяти, понятно?

Фрэнк вышел, собрав бумаги. Он знал точно: мистер Шед-

дер никогда ничего не говорит просто так. Упоминание о дите в конце разговора – это намек. На что?

Что-то резко нужно поменять в работе.

Глава одиннадцатая

Великолепная семерка

г. Североморск, квартира вице-адмирала Усачева

Хозяин квартиры, подтянутый, аккуратно подстриженный человек с суровым умным лицом, сидел с ногами в кресле и с отвращением смотрел хоккей по телевизору. У адмирала были неприятности, связанные не только и не столько с хоккеем, но в данную минуту его мучила именно безобразная игра отечественной команды, проигрывающей сборной Латвии.

В комнату вошла жена с телефонной трубкой в руках.

– Саша, тебя.

Адмирал взял трубку и заорал:

– Да ты будешь играть или нет, урод? – И уже деловым тоном: – Слушаю вас.

На том конце напомнили о назначенной встрече и о звонке из Москвы, благодаря которому данная встреча могла быть назначена. Настроение адмирала сделалось еще хуже. И бесило больше всего то, что от разговора отвертеться ни за что не удастся. Не пошлешь этот вкрадчивый голосок, отвратительный своей вежливой уверенностью, что все будет так, как ему, голоску, надо.

– Приезжайте!

Выяснилось, что разговаривать придется не дома, а прямо в расположении части, у места швартовки атомных подводных лодок. Нужно заказать пропуска обоих видов, а для начала записать номер джипа, на котором приедут настырные «москвичи».

Да кто ты такой, спросил про себя адмирал, но потом в его сознании всплыли детали московского звонка, и он вскочил из кресла. Хотя одна приятная сторона у этого позора – не надо досматривать жуткий хоккей.

Всю дорогу до места встречи Усачев проклинал жизнь и себя, так бездарно поддавшегося ее течению. Ведь не хотел он идти в мэры города, не его это дело. Человек должен правильно понимать свое место в мире, и боевой офицер никогда не станет хорошим управленцем. Вдоволь насмотрелась уже страна на генералов-адмиралов – народных избранников.

Ветер швырял хлопья шершавого снега в окна «Волги», водитель, носивший то же имя, что и адмирал, – Саша сидел ни жив ни мертв, чувствуя настроение начальства.

Уговорили же доброхоты Усачева только потому, что в соперники стал прорываться некто Чбисидзе, местный торговый король. Говорили, грек, но «по маме» грузин. Не мог северный флот сдать позиции на этом участке. «Что ж мы, черные бушлаты, – все уступим черным рожам?» В неофициальной обстановке то и дело возникали такие разговоры. И

он повелся. Обещали столичную подмогу. Прислали, правда, пару веселых ловких ребят. И теперь вот одного отзывают.

– Саша, затормози на углу, подхватим человека. Человек подхватился легко и быстро.

– Моя фамилия Шварц.

– Шварц?!

– А что, не похож?

– Да нет, вы меня простите, садится к вам в машину человек и так вот сразу – Шварц! А за окном черным-черно!

Адмирал сам понимал, что говорит странные вещи. Ну и черт с ним, с этим Шварцем, пусть думает что хочет.

Сзади за «Волгой» пристроился громадный внедорожник.

– С вами уже говорили?

– Да. Говорили.

– Условия вас устраивают?

– Да, еще бы. Конечно, устраивают.

Какие-то непонятные люди в столице решили выкупить из предвыборной команды адмирала Усачева одно из его «золотых перьев». Некого Артема Владиславлева. До выборов оставалась целая неделя, Артем этот, может быть, еще и пригодился бы, но, по доходившим до адмирала слухам, вел он себя не лучшим образом. «Во вред пользе», как сказал один из старых мичманов. После того как люди противника – этого полугрека – совершили несколько хамских налетов на гостиницу, где поселили «москвичей», тех перебросили на одну из подводных лодок, куда, как справедливо счита-

ли в штабе адмирала, никакие полугреки добраться не смогут. А там и банька, и кухня своя, и спиртиком можно разжиться после умственного трудового дня. Так вот этот Владиславлев вместо того, чтобы выдумывать слоганы к листовкам и плакатам в честь адмирала-североморца, начал писать гимны для подводных лодок, что приводило матросов в восторг. Его слова они тут же клали на музыку. Так были написаны гимны «Барса», «Тигра», «Леопарда». Лучше всех вышел последний: «Леопард не ходит в стае». Между тем по всем опросам изобретательный инородец все еще держался со своим рейтингом вблизи народного адмирала. А тут звонок из Москвы – отдайте Владиславлева, взамен – столько-то тысяч!

Да пусть летит хоть к чертовой матери!

В самый момент сделки вице-адмирал лишний раз убедился, что совершает правильный ход. Получив в руки дипломат с пачками американских денег, он увидел, как четверо матросов несут по сходням гимнотворца, а тот размахивает руками, будто хочет вступить в диалог с крепнущей пургой, насылаемой черным небом, и шепчет: «И кричала в дежурке: он не умер, он спит! И пила из мензурки неразбавленный спирт».

Матросы со слезами на глазах передали тело Артема Владиславлева на кожаные руки мужчин из внедорожника. Произошла погрузка. Шварц поблагодарил адмирала, и этот идиотский, с точки зрения Усачева, эпизод закончился.

Чего только не бывает во время предвыборной кампании.

Толкотня машин при выезде с Тверского бульвара на Тверскую улицу. Моросит дождишко со снегом, разгораются разноцветные огни городской иллюминации, дергающиеся механические дворники стараются отогнать их как мелкое надоевшее наваждение. Петляя между влажными капотами, перемещается с завидной для инвалида ловкостью парнишка лет пятнадцати. В руках у него пачка дорогих журналов в полиэтиленовой упаковке. Иногда стеклянная дверца опускается и из хорошо пахнувшей тьмы салона высовывается заинтересовавшаяся рука.

Нет, «Додж» ничего не взял, и «Пежо» тоже. А вот тут, кажется, наклеывается какой-то полезный контакт.

В этот момент переключается светофор. Открывается задняя дверь одной из иномарок, и торговца мокрым печатным товаром быстро и цепко втаскивают внутрь.

Похищение инвалида. Прямо посреди города. Посреди центра города.

– Будешь вести себя правильно – заплатим за все твои журналы.

Парень хоть бит жизнью, но не трус. Осматривается. Впереди только гранитный затылок. Справа тоже что-то неулыбчивое. Это не розыгрыш.

– Что надо?

– Где сейчас Чайник?

Машина движется в сторону «Националя». Судя по тому, как рука сидящего справа сжимает предплечье инвалида, думать дольше, чем до Библиотеки, не дадут. Убить, конечно, не убьют.

— Где сейчас сидит Чайник? Я знаю, что ты знаешь. Не скажешь — выкинем где-нибудь возле мусорных баков, будешь ходить еще хуже.

— Только у меня условие.

Водитель даже кашлянул от неожиданности.

— У тебя условие?

— Два. Ни Чайнику, ни этим братьям, особенно Вегену, не говорите, что это я, ладно? И отвезите сразу же на место, на Тверской. Плохо, если меня там долго не будут видеть.

— Денег дать?

Инвалид вздохнул, почти всхлипнул:

— Нет, опасно, раскумекают.

— Что, обыскивают?

— Еще как. Даже в заднице смотрят.

— Ну, как хочешь.

Через час помощник Кирилла Капустина Петров вместе с двумя телохранителями быстро шел по длинному перрону Ленинградского вокзала — все дальше от здания, от огней. Сочно пахло угольной сыростью, мокрым железом и прочей железнодорожной спецификой. Блестели влажные рельсы, проскальзывали невразумительные люди с чемоданчика-

ми и поднятыми воротниками. Королевство со своими законами.

– Здесь, – сказал один из охранников в черном плаще – тот, что сидел за рулем.

«Здесь» представляло собой старый вагон, загнанный на половину под железный навес. Признаков жизни он, на первый невнимательный взгляд, не подавал. Петров обошел его с торца, неуверенно сплевывая. Все же странно ему было, что кампания по выборам президента России начинается с такого непрезентабельного, даже противозаконного на вид места.

– Я забыл, как стучать, – сказал водитель, рассматривая свой кулак с перстнем. – Два раза, а потом три или наоборот?

– Стучи как хочешь и сколько хочешь, пусть сами разбираются, что им желательно услышать, – ответил Петров неожиданно тонким для своей комплекции голосом.

Вагон был жилой. И даже, можно сказать, слишком жилой. Очень густо и издавна спрессованная жизнь давала такой дух, что господину Петрову и его помощникам приходилось зажимать носы черными кожаными пальцами. А тут еще не наступи ни на кого в тусклом полумраке: под ногами шевелилась, стонала и сморкалась какая-то бесконечная инвалидная, собиравшаяся сюда на ночь со всего Восточного округа.

Так до середины вагона. Потом стальная дверь, а за нею – местная хоромы. Наверное, тут раньше был вагон-ресторан.

Освещено нормально, хотя тоже по-поездному, с тоскливой тусклинкой. Два дивана, стол, накрытый скатертью, и графин воды. За столом два довольно молодых кавказца. Один толстый, улыбающийся, второй скрюченный от своих позорений, злой.

Петров, не садясь, объяснил, в чем дело.

– Нет, Чайника так отпустить нельзя. Он нам должен, – сказал старший.

– Отрабатывает, – сказал младший.

– Отрабатывает? – удивился Петров.

Его подвели к окошку в стене, через которое можно было рассмотреть еще одно помещение, где на довольно большом канцелярском столе лежали картонки, кисточки и стояли банки с краской.

– Что он делает? – обернулся Петров к кавказцам.

– Пишет жалостливые объявления. Мама умерла – подайте, здоровья лишился – помогите!

– А, – гость понимающе закивал. – Не может старый конь без борозды. И что, помогает? Есть результат?

Кавказцы переглянулись: похоже, у них выпытывают их производственную тайну.

– Есть маленький навар. Женщины, что с его картонками ходят, приносят больше, – буркнул младший.

– И инвалиды тоже. Детей учит, как плакать, где грязь размазать.

– И когда он отдаст вам свой долг?

Старший мечтательно посмотрел в угол вагона и промолчал.

– Год! – решительно сказал младший.

– А выкупить долг можно?

Очень скоро все четверо ехали по морозящей Москве в сторону Замоскворечья. Чайник – в нормальной жизни Бладили Иван Сергеевич, трезвый, грустный, смотрел в окошко. Он вообще мало пил, в отличие от большинства безногих.

– Зря ты, Петруша, меня домой везешь.

– Почему?

– Все равно ведь сбегу.

– Наташку порадуй, она ж тебя любит, и малышки любят.

Чего тебя на улицу тянет, да еще к таким упырям.

– Не к упырям, а к народу, к настоящему делу, братишка.

Петров самодовольно усмехнулся:

– Так вот, могу с тобой поспорить на какие хочешь бабки: в ближайшие полгода никуда ты не сбежишь.

Бладилин встрепенулся:

– Неужели?!

– Да, да, и ты в команде.

Когда машина остановилась у дорогого дома с роскошными стеклопакетами в окнах и будкой спецвохры, Петров позвонил наверх и сообщил радостную новость.

– Что ж, пока жена бежит сюда к тебе навстречу, скажи мне, отчего у тебя такая кличка неуважительная – Чайник?

Тебя, я заметил, ценят даже там, на дне дна.

– Это очень легко объясняется. Чайник, в моем случае, это не Самовар, понял? Самовар – это когда ни рук, ни ног, а у меня ручки-то вот они, помнят работу ручки-то.

Тут сверху, из квартиры, спустилась Наташа – крупная молодая женщина в роскошном халате и с распущенными волосами. Отказавшись от помощи людей Петрова, она сама подхватила мужа на руки и понесла в дом мимо привычно зевающих консьержей, приговаривая что-то вроде: «Ты мой маленький, Ванечка любименький, где ты катался, где скрывался?»

Приняв два доклада – от Шварца и Петрова, – начальник службы безопасности потянулся в кресле всем длинным сильным телом. Он любил эту ситуацию – ситуацию нарастания, когда еще почти ничего не просматривается над горизонтом обычного течения событий, но ему-то уже известно: мир сделался немного другим и будет меняться в нужную сторону.

«Пожалуй, сегодня можно было бы нанести еще один штришок на новое полотно. Где там у нас господин кандидат? Кушают чай после бассейна?»

– Что это? – спросил Андрей Андреевич, когда Капустин протянул ему телефонную трубку.

– Телефон с уже набранным номером.

– Каким это?

Недовольным движением, но телефон кандидат принял.

– Это номер Юры Брауна.

– Что?! – И трубка полетела в сонный, уже законно отдыхавший на сегодня бассейн.

Они немного посидели молча, неприязненно поглядывая друг на друга. Вернее, Андрей Андреевич глядел неприязненно, Капустин – с сожалением. Кандидат наконец сказал:

– Ну и что же ты не даешь мне второй телефон? – Тон его был отнюдь не извиняющимся.

– Вы же все равно не станете ему звонить. Кандидат резко вскочил.

– Да, я не хочу звонить этому недоноску! Капустин смотрел на воду.

– Он нам нужен.

Андрей Андреевич оскалился, сделал несколько шагов вдоль бассейна, развернулся, сделал несколько шагов обратно.

– Ты ничего не путаешь, Кирюша? Это я ему нужен. Начальник охраны продолжал любоваться электрическими бликами на водной глади.

– В конечно счете дело обстоит, разумеется, так, но стартовать нам было бы лучше, имея эту хитрую, противную, рыжую харю в своих рядах.

Андрей Андреевич вернулся в кресло.

– Но почему, объясни, почему ты считаешь, что этот фарцовщик, шелкопер, очковтиратель нам может быть нужен?

– Именно потому, что он очковтиратель, фарцовщик и все то, что вы сказали. На первом, очень коротком, этапе услуги такого человека необходимы.

Кандидат снова встал и хлопнул себя по полам халата, будто искал ключи в карманах.

– Ну, не знаю, это все слова, риторика. Если вдуматься, за ним ничего серьезного даже по наперсточной части нет. Ну, купил он первым, даже раньше Абрамовича, английский клуб, но ведь тут же, через месяц после того, как откричали газеты-интернет, выяснилось, что это дартс-клуб и ничего больше.

– Вот нам от него такой месяц и нужен. Потом мы его как... даже не буду говорить как. Он сейчас в Лондоне, там, где центрее не бывает. Его репутация известна, его возможности – тоже, точку приложения мы определяем сами. Маленькая комбинация, максимальная выгода, первый толчок. И – как использованный презерватив.

Тяжелый вздох кандидата.

– Будем считать, что я тебе поверил. Но он же хам!

– И это входит в наши расчеты.

– Такой противный, склизкий хам, и всегда лезет целоваться, как Алибасов.

– Алибасова мы ни за что не позовем. Еще один тяжелый вздох.

– И с деньгами он меня пару раз...

– Ну, это, Андрей Андреевич, по мелочи, да и дело про-

шное.

Кандидат закрыл глаза.

– Но общаться будешь с ним ты. И только ты.

– Это само собой, Андрей Андреевич, но первый звонок – ваш.

И Капустин достал из жилетного кармана еще один телефон размером с зажигалку. Потыкал в него ногтем, приложил к уху.

– Вот, наш красавец в галерее Сачче. Тянется к искусству в тот момент, когда мы тянемся к власти.

Когда кандидат приблизил телефон к искривленному, но все еще красивому лицу, начальник охраны прошептал:

– Тяжела ты, шапка Мономаха.

– А что такое галерея Сачче? – поинтересовался Андрей Андреевич, закончив короткий бессодержательный разговор с невидимым Юрой Брауном.

– Как бы это поточнее... Представьте себе большое корыто, как наш бассейн, не меньше, наполовину наполненное мазутом, а по поверхности разбросаны пустые пластиковые канистры.

Голодин посмотрел на бассейн. Чувствовалось, что он силится представить сказанное.

– И что?

Капустин развел руками:

– И весь Лондон стоит и восхищается.

– А почему я там не бывал?

Начальник охраны отрицательно покачал головой:

– Не-ет, теперь вам поздно. Нарушите только еще создающийся образ. Вам надо на народность напирать. Будете дерьмом другого рода восхищаться. Шиловым, на худой конец – Церетели.

Кандидат почему-то помрачнел.

Глава двенадцатая

Похищение сабинянки

г. Калинов

За рулем сидел Бобер. Вел он свою «пятерку» лихо, но без транспортного фанатизма. Главное – доехать, был его девиз. Движение на улицах райцентра было отнюдь не перенасыщенным, но на редкость бестолковым. Все время какому-нибудь грузовику срочно требовалось развернуться задом через встречную полосу, тут и там внезапно тормозили на трамвайных путях две «газели», водители которых надолго сцеплялись кавказскими языками, игнорируя правила дорожного движения и интересы пассажиров – и тех, что в маршрутках, и тех, что в трамваях.

– Да, черные приборзели, – пробормотал Бобер.

– Гость ведет себя так, как позволяет ему хозяин, – ответил Кастуев. – Если на рынке какой-то кавказец обирает местную старушку на рубль, то восемьдесят копеек идут в карман начальнику местной ментуры, неужели не ясно?

– Да ладно тебе, – сухо сплюнул Бобер. Видимо, на эту тему у них было говорено-переговорено: старая отечественная традиция. – Русскому барину нужна прокладка.

– Какая прокладка? – автоматически спросил Елагин, его

не очень занимала материя разговора.

– Русский барин гнушался сам лезть в грязь конкретного управления делами и потому привлекал управляющего. Желательно инородца. Хоть немца, хоть осетина.

Бобер тихо присвистнул:

– Алик, не заводись. Каким бы дерьмом ни оказался барин, управляющий должен знать меру. Состригай шерсть, сдирай кожу, да только, братец, не куражься, это больше всего обижает аборигена, особенно русского. Обмани, но с уважением. Поэтому кто бы ни был виноват на деле, жечь пойдут не ментовку, а дом хозяина рынка, если что.

Кастуев только махнул рукой, показывая, что они с Бобром никогда не поссорятся по-настоящему из-за того, о чем сейчас спорят.

– Россия опять на пороге великих событий, – сказал Елагин, и в тоне его проскользнула ироническая нотка.

Бобер насупился:

– А ведь зря смеешься, московский гость. Это вам там, в кремлях, кажется, что все события вершатся путем передвижения группы миллиардов долларов из одного угла Садового кольца в другой, а может статься, настоящий метан копится здесь, в этих трясинах. И ведь когда-нибудь рванет.

– Хватит мне песен про Садовое кольцо. Любимая тема усталых провинциалов. Тем более что кольцо – оно и есть кольцо.

– В каком смысле?

– В том смысле, что нет у него углов, и как двигать миллиарды из одного угла кольца в другой – непонятно.

Мотор «пятерки» взвыл, и она пошла на обгон целой колонны мрачных, кривовато сидящих фур.

– Приближаемся, – сказал Кастуев.

– К чему?

– Тут была огромная промзона лет двадцать назад. Чуть ли не новый газоконденсатный комбинат, как в Тобольске, собирались строить, а получилась в итоге большая перевалочная база межрегионального масштаба. Каких только здесь номеров не встретишь.

– И кто это все контролирует?

– Это чисто бандитские дела. А заправляет всем некто Танкер. Личность загадочная и малоприветная.

Бобер гнал машину мимо длинной-предлинной цементной стены с ошметками колючей проволоки кое-где поверху. Ближе к въездам начинали попадаться граффити – в основном похабные или безумные, например: «Глазьев – наш президент», но потом они вновь исчезали: и передовая, и матерная мысль сникали перед пространством русского забора.

– Тут главное – не пропустить поворот, – сказал Бобер и пропустил его. – Ну вот, всегда так.

Сдали назад и скатились с разбитого асфальта на мягкий, кое-где укрепленный пятнами щебенки проселок.

Стемнело. Дорога петляла. Фары нервно перебирали стволы придорожных сосен.

– Дальше пешком, – сказал Кастуев, когда двигатель замолк.

– Здесь же лес.

– Не Садовое кольцо, это точно.

Быстро накачали небольшую лодку, стащили по песчаной насыпи к реке.

– Тут недолго, – опять подал голос Бобер, – главное – такую большую развесистую сосну не пропустить.

Плыли минут пятнадцать по течению, отталкиваясь дюралевыми веслами от топляков. Небо было выжежено самым парадным образом. Сиди себе и поджидай соответствующее дерево. Что-то замелькало впереди на водной глади.

– Бакен, – успокоил Бобер, хотя его никто не спрашивал. Елагин шепотом спросил о другом:

– Послушайте, вы говорили, что встречались с этими профессорами, были у них два раза, так они вас что – по этому маршруту к себе в гости возили?

Ответом ему было сдавленное:

– Сосна!

Майор поднял голову и невольно восхитился, несмотря на всю неординарность своего положения. Огромная разлапистая крона закрывала полнеба, горевшего, о чем уже говорилось выше, невероятно яркими звездами, так что, когда лодку швартовали, болтая туда-сюда, майору на несколько секунд показалось, что он наблюдает мерцающий беззвучный фейерверк над Москвой-рекой.

Дальше было не так красиво и интересно. Карабканье по почти отвесной насыпи, продвижение узким распадком, сплошь заросшим сухим малинником и еще какой-то пахучей и колючей дрянью. Наконец – следы цивилизации: полуобвалившаяся кирпичная стена и выдавившаяся с той стороны ржавая цистерна.

– Теперь мы на территории института, – сказал Кастуев и тут же споткнулся о древние рельсы. Выругался по-осетински – значит, очень больно.

– Тут дальше старая котельная, новая котельная, но она еще хуже, чем старая. Термоблок – не знаю, что это такое.

Елагин удовлетворенно кивал, слушая тихие объяснения Бобра. По внешнему виду термоблок ему не понравился, и он был рад, что им туда не надо.

– Ух ты! – вдруг сдавленно прошептал Бобер, отступая за край стены, из-за которого только что выглянул.

– В чем дело?

– Там кто-то есть. Взгляни, какое освещение!

Присмотрелись. Зрелище было действительно впечатляющее. Самое большое здание заброшенного филиала, представляющее собой длинный кирпичный параллелепипед с рядом очень грязных, местами разбитых окон под самой крышей, сияло огнями изнутри. Светильники перемещались, сквозь разбитые окна вырывались во влажную ясную ночь разноцветные лучи. Чувствовалось, что в здании немало народа. Можно было бы это принять за дискотеку для глу-

хих, потому что никакой музыки оттуда не слышалось.

– Это их главный испытательный цех. Мы там бывали. Ночью тоже. Но такого освещения... – сказал Кастуев.

– Что же там может происходить? – спросил майор.

– Мужички Лапузины были очень скрытные.

– Почему были, Бобрик?

– А ты посмотри на окошки. Там или шмон великий, или пытаются кого.

«Похоже на кино про лабораторию, где спускают со ступеней нового Франкенштейна», – подумал Елагин, но вслух говорить не стал.

Некоторое время так и сидели за сдвинутой с рельс вагонеткой: один мечтая закурить, другой – выпить, а третий – осмотреть пораненную ногу.

Сзади что-то зашуршало. Ласково, почти дружелюбно. Бобер обернулся.

– А, это ты, девочка. Сама пришла. Вот умница!

Глава тринадцатая

Триумф и похищение

г. Калинов, территория филиала

– Нина Андреевна, свет мы установили.

Нина смотрела прямо на главного оператора – парня по имени Грэг с выраженно восточной внешностью, но с совершенно зелеными глазами. В специфической световой обстановке, созданной под сводами испытательского ангара, глаза его сверкали совсем уж ненормальным блеском. Степень безумия этого сияния приблизительно равнялась степени безумия предприятия, затеянного госпожой Голодиной.

Нина держалась за шарфяного удава, лежавшего у нее на плечах, как черное жабо. Рискуя переборщить с метафорикой, можно сказать, что держалась она за него и как за спасательный круг. Отпустит руки – все, понеслось! Отступать будет уже некуда. Все же она взяла на себя слишком много. Винглинский, уезжая в аэропорт (его стремительный отъезд мог быть темой для особого размышления, но сейчас было не до того), трижды и настрого запретил проводить какие бы то ни было новые съемки аппарата братьев Лапузиных в действии. Конечно, она не просто сотрудник, она высокопоставленный сотрудник, за ней как-никак папа – хоть и отставлен-

ный, но вице-премьер. Но все равно того, что она сейчас уже была готова себе позволить, вполне хватит, чтобы снести ей административную голову и погасить как сигарету в пепельнице вечного увольнения. Никто и никогда впредь не возьмет на серьезную работу менеджера с такой репутацией.

Вместе с тем она понимала: иначе нельзя. Если она не сделает этого, то никогда не сможет себя уважать, даже если ее возьмут на самую престижную, самую денежную работу во вселенной.

Нина Голодина верила: сейчас с ее подачи, с мановения ее крохотной, холодной как лед ручки может начаться новая эра в науке и еще черт знает в чем.

Она отпустила свое черное жабо и кивнула Грэгу – давай! И поднесла руки к губам. Какие, действительно, холодные. Ручки ледяной пешки, если все пойдет насмарку. Или не пешки...

– Нина Андреевна, Нина Андреевна, идите сюда. Надо, чтобы вы сами все посмотрели.

Один из братьев Лапузиных (внешне они Нине не нравились, какой-то неправильно смешанный коктейль классических русских качеств бурлил в них. В одном глазу хитринка, в другом лукавинка. То ли поцелует, то ли зарежет) подковылял к ней на кривоватых крестьянских ногах и с назойливой галантностью взял ее под руку.

– Идемте, идемте.

Все софиты жадно изливали свет в нужном направлении,

жгуты кабелей вились по грязному цементному полу. Полдюжины провинциальных кандидатов наук и неярких светил в области разных отраслей знаний, гении каких-то околонаучных телешоу уже толпились у небольшого, похожего на большую черепаху о четырех головах, прибора, стоящего на подставке из блестящего металла. Во все стороны из черепахи торчали стеклянные и медные трубки. Наподобие крабьих глаз, таращились манометры, амперметры и вся прочая оснастка. Отлично была видна телекамерам, а значит, и будущим телезрителям железная стела с выставкой приборных шкал. Все стрелки там плясали – каждая по-своему, улавливая крохотную часть истины.

Вперед выступил местный тележурналист – из здешних знаменитостей, некогда разоблачитель убийц-партократов, потом воров-демократов, потом ушедший в разведение кроликов и с их помощью сохранивший часть бывшего авторитета. Теперь для него настал звездный час: не каждому удастся так красиво вернуться в эфирный мир – в передаче, которая столь однозначно отстаивает интересы родины и народа. Он волновался и был прекрасен в своем волнении. Потребовал, чтобы телекамеры наехали на черепаху: «Люди должны видеть все». В максимально въедливом режиме была довершена сборка аппарата, дабы исключить даже теоретическую возможность подтасовки.

Нина стояла очень близко и смотрела во все глаза. Она видела: все чисто и честно. И при этом сердце ее разрывалось.

Она была уверена, что поступила правильно. С другой стороны, ее изводила мысль о том, что не мог же Винглинский, человек, по ее мнению, бездонно умный, а главное, бесконечно циничный, просто так взять и отвернуться от возможности овладеть чудом. Чем больше она убеждалась, что опыт происходит на высочайшем уровне, тем сильнее ее жгла уверенность: Винглинский имел основания запретить его проведение. «Мы все агностики, мой друг», – сказал поэт. Иными словами, в момент высочайшего взлета веры мы обнаруживаем, что тоненький корешочек неверия уходит, оказывается, в самое средоточие нашей натуры.

Так, в чем же дело?!

Я права?!

Да.

Вон, смотрите же, она вертится! Машина работает! Уже минуту этот проклятый то ли ротор, то ли шпиндель крутится, хотя по всем расчетам должен был бы остановиться уже через десять секунд.

Нина презирала – и от всей души – знахарей, колдунов, ведунов, парапсихологов, телекинезников, спиритов, левиа-торов, вампиров, а заодно и представителей ни в чем не виноватой мануальной терапии. Но тут-то как быть? Это же наука, наука и техника. И вот уже четыре минуты крутится это колесо перед горящими глазами телекамер!

Лапузины сдержанно беснуются, принимая поцелуи и товарищеские тычки в бок. Грэг стоит в углу, закрыв свои фан-

тастические глаза ладонями, и из-под ладоней бегут слезы. Стреляет шампанское, которому никто не велел являться. Ведущий-кроликовод красен как совесть Дзержинского, его наверняка хватит удар, если этот парад победительной технической отечественной мысли немедленно не прекратится.

Но Винглинский... Чтобы сделать возможной эту запись, Нина готова была даже подыгрывать ему, изображая солидарность в цинизме. Мол, изобретатели – это всего лишь ход в игре, съемные фигуры, и когда надо будет, их уберут. А сама тайком верила, знала, что права, и вот теперь в полнейшем ужасе осознает, что, вполне вероятно, прав как раз улетевший шеф.

Никакого абсолютного топлива нет. По одной простой причине: его быть не может.

Как напоминание о большом мире, где действуют свои законы и правила, зазвонил телефон.

Нина сразу поняла, кто это.

И многие из присутствующих поняли.

Испуганные взгляды в ее сторону. Как будто все с самого начала знали, что Нина Андреевна здесь самоуправничает.

Нина сделала знак телевизионщикам и своим людям – продолжайте. Подбежавшему Виталию Лапузину, рванувшемуся было к каналу связи с олигархом, она коротко, не оскорбительно, но безапелляционно цокнула трубкой по немодным очкам и сказала:

– Набирайте статистику, а я отойду поговорю.

И двинулась в ту сторону ангара, куда долетали только отраженные лучи телевизионного света, где пахло доисторическим тосолом, окаменевшей ветошью и древней соляжкой, где на ремонтных ямах стояли в свое время еще «ЗИСы», помнившие мастеров, которые помнили вообще черт знает что.

– Тебе что, Либава позвонил?

Винглинский ответил после неприятного, можно сказать, убийственного молчания:

– Не важно, кто мне позвонил. Ты нарушила приказ.

– Извини.

Опять молчание. Нина продолжала углубляться в прошлое отечественного машиностроения, прижимая трубку к раскаленному уху.

– Ты извиняешься, Нина?

Она пошевелила шеей, словно пытаясь высвободиться из объятий шарфа.

– Я же не права, почему бы мне не извиниться?

– Ты всерьез извиняешься, или это что-то из области – победителей не судят?

Нина поморщилась и закрыла глаза. Разговор ей не нравился, особенно тон этого разговора.

– Я где-то читала, что настоящая демократия – это когда судят победителей.

– При чем здесь демократия, при чем здесь... У меня к тебе еще один приказ. Надеюсь, его ты выполнишь.

Нина замерла. Оглянулась. Ей никого не было видно, значит, и она никому не видна.

– Приказ? Мне? Значит, я еще не уволена?

– Я решу, как от тебя избавиться. И когда. И нужно ли мне это. А приказ такой: добейся, чтобы все материалы этой дурацкой телепередачи остались у тебя. Никому никаких копий! Поняла?!

Потрогав свободной рукой родной свой шарф, девушка улыбнулась.

– А ты хочешь посмотреть, что мы тут такое сняли. Я это почувствовала.

– С чего ты решила?

– В случае противном ты бы приказал все уничтожить.

– Не говори глупостей! Озверевшая толпа, которая там наверняка жрет коньяк за мой счет на радостях, просто не позволит тебе этого сделать. Хотя бы запри под замок. Поняла?

Нина улыбалась, глядя в сторону места испытаний. Было слышно, как собравшиеся что-то считают хором. Скорее всего, секунды, прошедшие с начала испытания.

– А ты знаешь, она ведь вертится. До сих пор.

– Хватит бредить, Нина. Тоже мне, Галилей нашелся, илюминат в юбке. Ты просто не представляешь, какого рода дела сейчас начинаются, поэтому... ты слышишь меня, Нина? Ты слышишь меня?

Глава четырнадцатая

Встреча с далеко идущими последствиями

г. Москва, Шереметьево-2

Сказать, что господин Винглинский был в бешенстве, значит, сказать полную правду, описать ровно то чувство, которое он сейчас испытывал. У него было для этого сразу несколько поводов. Разные по значению и размеру, все они норовили ткнуть в одну и ту же рану, скрываемую под длинным серым плащом, то запахищаемым, то распахищаемым длинными руками олигарха.

В комнате для vip-публики стояла страшная тишина. На столе уже в четвертый раз остывал кофе, официантки были готовы Бог знает на что, лишь бы этот господин с умным, немного отрешенным лицом перестал злиться.

Больше всего Винглинского злило молчание Нины. Ну нахамила, ну выскочила за пределы своей компетенции, но теперь-то зачем скрываться?

Меньше, но тоже сильно злило олигарха запаздывание самолета из Испании. Он должен был прибыть еще час назад с Кириллом Капустиным на борту, однако все не прибывал и не прибывал. Место для разговора выбрал сам Капустин. Ле-

теть в Калинов ему не хотелось, вызывать Винглинского на Тенерифе было неудобно. Сошлись на встрече на нейтральной территории.

«Но где самолет? И ведь это не зачуханный чартер – солидный рейсовый борт. Где он мог „загулять“ вот уже на полтора часа?»

Телефон не умолкал. Временный секретарь, взятый в эту поездку, настолько не справлялся с делами, что готов был сам написать заявление об увольнении, когда б имел хотя бы одну свободную минутку.

Приходили скверные сведения из верхов прокуратуры. Начались непонятные передвижения в следственной части. Над двумя полковниками, которые, как казалось Винглинскому, надежнейше прикрывали его задницу, нависла опасность повышения. Опыт показывает: повышение человека портит и отдаляет, он перестает чувствовать себя обязанным настолько, насколько чувствовал прежде. А может быть, дело и еще хуже – повышение санкционированное, чтобы заменить хороших полковников плохими, голодными и якобы честными.

«И Либава ведет себя как... Либава. Даже на вопрос, все ли он изъясил материалы по съемке, отвечает каким-то противным ориентировочным голосом. Гнать бы его, но верен. Хотя кто сказал, что тупой и ленивый – это обязательно верный?»

Пообещав себе подумать на эту тему, объединив ее с те-

мой капитана Захарова, Винглинский снова стал набирать номер Нины, причем без всякой надежды застать ее у трубки. Упала на дно, отливается слезами, отпивается «Баккарди». Почему все деловые женщины в последнее время пьют «Баккарди»? Интересно, это тонкое наблюдение или ошибочное? Ответить себе олигарх не успел. В трубке раздался голос Нины.

– Слушай, со мной все в порядке. Не волнуйся. Скоро позвоню.

И конец связи!

Ну, это уже превосходило всякие представимые пределы хамства. Держа в одном кулаке хрустящий телефон, а в другом комкая свою невидимую глазу, но страшную ярость, Винглинский отвернулся от стеклянной стены, за которой он наблюдал безрадостную, шумную и непонятную жизнь аэропорта, и посмотрел на официанток, с какой-то сервисной обреченностью склонившихся у стола. Увидев его глаза, они зажмурились. И в этот момент в помещение бодрой, южной, почти беспечной походкой вошел Кирилл Капустин. Никто не объявил о его прилете, но Винглинскому было наплевать, с какого самолета прыгнул этот человек. Теперь было с кем поговорить.

– Пойдем на воздух?

– Зачем? – огляделся Капустин. Ему смешно было думать, что тут стоят какие-то прослушки.

– Нет, просто дышать нечем.

– Ах, если... Они вышли.

Капустин закурил. Берегший свое здоровье олигарх с завистью смотрел на него. Потом откатил ногой дверь и крикнул ближайшей полумертвой официантке:

– Коньяку!

Пока она возилась с подносами и рюмочками, Капустин предложил знакомцу свою фляжку. Винглинский глотнул, потом еще, и начал плевать, как будто после первого глотка не распробовал, что ему дали за дрянь. И без промедления перешел к делу:

– Ее надо убирать.

Капустин сразу понял, о чем идет речь. У него была кое-какая информация о стиле отношений, которые сложились между самостоятельной девушкой и ее патроном.

– Как?

– Как хочешь.

– Не нервничай. Ну пропала, ну найдется.

– Уже нашлась.

– Да-а?

– И снова пропала.

Капустин почувствовал, что разговаривать ему с Винглинским будет трудно. Каждая девушка имеет право на выкрутасы, но не в таком все же количестве и не настолько за пределами своего профессионального статуса. Он попытался начать издали:

– Помнишь, ты как-то говорил, что вы начинаете сраба-

тываться...

Олигарх замахал тонкими руками:

– Ну, хва-атит, Кирюша, не лови меня на слове, причем Бог знает когда ляпнутом.

Капустин тихо усмехнулся:

– Ну и как ты мне прикажешь это преподнести шефу? Винглинский подумал несколько секунд.

– Во-первых, я сам Андрюше позвоню, во-вторых, сообщу что-нибудь. Нельзя ее держать поблизости от этого дела. Эта афера так раздулась, что если как следует лопнет... Понимаешь, она, видите ли, верит, что этот сибирский бензин настоящий. А мне давно уже один из братьев проговорился, как они дураят общественность. Вернее, один дурит, а второй верит. На чем все и держится.

Капустин сам отпил из фляжки.

– Хваткие мужички.

– Они свое получают, – сказал олигарх таким тоном, что нельзя было понять – радоваться надо за «мужичков» или бояться.

Капустин взвесил фляжку в руке.

– Но знаешь, что я тебе скажу? Твоя история со сверхбензином теряет актуальность. Вернее, не так: она отходит на второе место, в тень.

Олигарх медленно – с той скоростью, с какой доходило до него сказанное, – повернулся к нему.

– Что ты имеешь в виду? Капустин опять отхлебнул.

– На настоящий момент непонятно, в каком виде нам нужна эта «чистая сила» – в работающем или в разоблаченном.

Винглинский сделал нервный жест рукой:

– И мне непонятно, что ты там говоришь. У меня стол завален контрактами на выступление этих лесовиков с их черепахой сразу в восьми штатах и в Монако. А я при этом знаю, что это надувало.

Капустин успокаивающе положил руку ему на плечо:

– Ну, отправь одного, того, кто дурит, пусть распинается. Пусть говорит, что нет средств для доставки настоящей аппаратуры из Калинова, а она скрыта на дне какого-нибудь атомного колодца, а поверх него курган.

Винглинский сплюнул.

– Это пурга. Дешевая, и даже очень дешевая. Собеседник развел руками:

– А нам больше на настоящий момент ничего и не надо. Мы переносим попытку на более высокую высоту, извини за стиль.

– Что это значит?

Капустин допил коньяк, спрятал фляжку в карман.

– А мы начинаем выборы президента.

– Барбадоса? – спросил разбито и опустошенно олигарх.

– Зачем? Президента России. Без булды, как говорят не знаю где. И хочешь узнать, кто будет претендент и кандидат? Молчишь – значит, очень хочешь. Андрюха. Андрей Андреевич.

Винглинский снова сплюнул в бездну крутящейся метели.

– Что-то потерял я чувство юмора.

– Это правильное ощущение... Итак, Андрей Андреевич Голодин, и ни граммом меньше.

Винглинский помял виски.

– Знаешь, такая дичь все это, что хоть верь. Капустин спрятал пустую фляжку в карман.

– Еще совсем немного – и начнешь. Твой статус главного финансового стержня сохраняется, ну, естественно, «там», на Восточном побережье, мы получаем очень толстый денежный кран. Так вот, твое положение в схеме почти прежнее, только не вшивых, подпольных профессоров будем мы продвигать в человеки, а бывших вице-премьеров. А ведь он не сразу согласился. Кому рассказать!.. Уговаривать пришлось, умные исторические факты цитировать. Но теперь все, конь бьет копытом.

В стекло осторожно постучались. Официанточка. Наконец собралась со своими рюмочками, просто стрела, а не подавальщица.

– Несите, несите, милая. Ставьте сюда, прямо на парапет. Не упадет. А упадет – и черт с ним. Дальше мы сами.

Капустин наполнил рюмки.

– Давай выпьем за начало нового нашего предприятия, крупнее которого у нас ведь может уже и не быть в жизни. Всегда на этом месте пьянки начинаю философствовать.

Они выпили. На лицах выразилась разная степень удо-

вольствия.

– Ты по-прежнему главбух нашей фирмы, я по-прежнему начальник службы безопасности. Просто фирма налилась соком – и еще будет наливаться.

– Но Нину убирать все равно придется. Капустин сразу посерьезнел.

– Ты, наверное, оговорился, товарищ. Не убирать, а переводить.

– Ты прав, я оговорился, товарищ. Переведи ее куда-нибудь к себе. Я приплачивать буду.

Капустин немного поиграл бровями. Винглинский продолжал:

– Только не говори, что теперь, после того как ее папа начал расти, это будет сделать намного труднее.

Начальник службы безопасности кивнул:

– Труднее. Но для тебя сделаю. Только уговор – помнить потребленную доброту!

Зазвонил телефон в кармане Винглинского. По мере выслушивания сообщения его лицо искажалось все более отвратительной гримасой.

– Знаешь что, Либава, лечи здоровье, и ничего не будет казаться. Все!

По физиономии Капустина было видно, что ему очень интересно, о чем там шла речь.

– Либава утверждает, вернее, говорит, что у него такое чувство, будто Нину похитили.

Капустин хмыкнул:

– Она же нашлась, ты сказал. Винглинский снова потерял виски.

– Пропала, нашлась, то есть позвонила, что нашлась, а теперь Либава говорит – ее опять нет. Чепуха и путаница. Когда я во всем этом разберусь, кто-то мне ответит и за чепуху, и за путаницу.

Начальник охраны кандидата спросил:

– Зачем?

– Что – зачем?

– Зачем ее было похищать? Винглинский отрицательно мотнул головой:

– Главный вопрос – кто?

– Мало ли. Есть же там какие-то бандиты.

– Районная шпана, Кирюша, даже Либава с ними общается через своего секретаря. Считают пучки редиски на овощных рынках.

– Скажи, а этот Либава – грузин? Винглинский опять скривился:

– Его фамилия – это название города на Балтике, если помнишь географию. Внешностью он похож на кавказца еще меньше, чем фамилией. Что, появилось соображение?

Капустин задумчиво пожал плечами:

– Местные бандиты, конечно, чепуха, может, какие-нибудь грузинские воры?

Выражение лица олигарха сделалось брезгливым.

– Какие еще воры, Кирилл?!

– Учужали что-то, подкапывают издалека под твой бизнес, хотя отмычкой под такие бастионы не подкопаешься. Прости, я на всякий случай просматриваю все варианты. Даже фантастические. Ты, значит, в этом Либаве уверен?

– Я, Кирюша, уверен, что он трус, бездарь, бабник-импотент и обжора. До сегодняшнего дня я его считал хотя бы верным человеком. Теперь даже и не знаю, что думать. Впрочем, иногда задашься вопросом: зачем мне верные дураки?.. Но в любом случае наша договоренность в силе, да?

Капустин вскинулся:

– Какая?

– Не притворяйся. Насчет Нины. Сам видишь, сколько с нею хлопот. Даже нельзя определить с точностью, похитили ее или она сама сбежала.

– Я подумаю, обязательно подумаю и придумаю что-нибудь. Когда выяснится, что там происходит. Мы как-то слишком беззаботно обо всем этом рассуждаем. А вдруг ее и впрямь умыкнули и заперли? Что мне в таком случае докладывать отцу?

Винглинский прикрыл бледными веками грустные глаза. И подумал: «А почему я так уверен, что и вправду не произошло ничего серьезного? Впрочем, какой похититель позволил бы Нине позвонить!»

Капустин, видимо, решив, что собеседнику нехорошо, встряхнул его за плечо и успокоил как мог:

– Я думаю, ничего страшного не произошло. А уговор выполняю. Помогу.

– За это мы все тебя и ценим. Незаменимый, – сказал Винглинский, открывая все еще грустные глаза.

«Тот, кто льстит, тот отомстит», – подумал Капустин, улыбаясь.

Глава пятнадцатая

Разговор по душам

г. Калинов, фирма «Китеж»

– И что вы со мной теперь будете делать?

Нина сидела на трехногом табурете, по-прежнему держась маленькими руками за бублик черного шарфа. Лицо у нее было усталое, выражение усталого лица – ироничное.

Майор Елагин располагался напротив, за столом, Кастуев сидел на подоконнике, Бобер возился с какой-то аппаратурой в предбаннике. Одна нога Кастуева была без ботинка и сильно замотана бинтом, пятнистый комбинезон – весь в пятнах сажи и горюче-смазочных материалов. Майор выглядел, хоть и без ран, ненамного лучше. Станным образом на облике и одежде Нины ее участие в только что состоявшемся похищении практически не отразилось: лишь правое крылышко носа было то ли чуть оцарапано, то ли просто немного испачкано.

– Вы хоть глаза мне завяжите, когда будете вывозить отсюда. Да у вас и машина, кажется, екнулась, да?

– Да, машина слегка неисправна, – стараясь демонстрировать полнейшее спокойствие и абсолютное владение собой, сказал майор и слегка переставил огромные, замызган-

ные локти на куске оргстекла, покрывавшем стол. – Но к тому моменту, когда вас придется отсюда, как вы выразились, вывозить, с ней все будет в порядке.

Кастуев с сожалением поглядывал то на ногу, то на майора, жалко было и ее и его. Кроме того, у работника фирмы «Китеж» крепло ощущение, что сморозили они огромнейшую глупость, влезли в дело, из которого еще надо будет суметь выпутаться. Когда уже по дороге домой выяснилось, что похитили они не телережиссершу, как им казалось, или лаборантку Лапузиных, что было бы еще полезней, а лицо, приближенное к самому господину Винглинскому, они сделались задумчивы и неразговорчивы. Первым порывом было – сразу выбросить ее на дорогу, но это не гарантировало полной безопасности. Она могла запомнить машину, да и похитителей, ибо средства маскировки они использовали небрежно и пару раз обращались друг к другу по имени – сказывалось отсутствие настоящего бандитского тренинга.

В конце концов, Елагин решил: раз уж украли, так уж украли. Собственно, чего дергаться – у них в руках человек, много знающий о деле, ради которого он, вольный московский майор, и прибыл в эти края.

– Мне хотелось бы, Нина, чтобы вы нам кое-что рассказали.

Девушка поджала губки, как-то автоматически начиная кокетничать. Эта сторона женской натуры не являлась ее сильной стороной, но до известной степени Нина умела ею

пользоваться.

– А что именно? Вы же сами почти все видели, насколько я понимаю.

Майор хмуро вздохнул:

– И все же я прошу ответить на несколько вопросов. Ка-
стуев поморщился. Ему не нравилось и то, как майор ведет
«допрос», и то, что нога начала ныть намного сильнее, чем
прежде.

– Нас интересуют некоторые технические детали и науч-
ные тонкости того действия, что произошло сегодня ночью в
ангаре институтского филиала.

Девушка склонила голову набок, словно решила под но-
вым углом рассмотреть своих похитителей.

– Тогда вам надо было красть кого-нибудь из братьев Ла-
пузиных. Это они все придумали. Кроме того, там было еще
несколько докторов технических наук, почти таких же сума-
шедших, как братья. Они бы вам объяснили. А я в общем-то
всего лишь журналист.

Майор поиграл желваками, одновременно пытаюсь улыб-
нуться. Он знал, что обладает мужественным и очень даже
привлекательным обликом, короче, нравится бабам из самых
разных слоев общества. Если немного поднапрячься, задей-
ствовать немного остроумия и пару великодушных жестов...
нет, бред. Как-то само собой понималось, что здесь его му-
жественное голубоглазое обаяние даст сбой. Очень трудно
расположить к себе женщину, настроенную по отношению

к тебе иронически. Она считает, что они сделали глупость, украв ее, и переубедить ее нельзя.

Мелодично вздохнул мобильник в кармане у Кастуева. Мобильник Нины.

– Если вы будете благоразумны, можете сказать несколько слов. Успокоить родственников, – предложил майор.

Нина удивленно кивнула. Кастуев спрыгнул с подоконника, подгарцевал к ней на одной ноге, протянул аппарат, и Нина сообщила Винглинскому, что с ней все в порядке.

Ну вот, благородный жест сделан, но уровень иронии в ее улыбочке не сделался ниже.

– Так на какие вопросы вам ответить?

Кастуев аж зажмурился – похищенная переходит в атаку на похитителей. Впрочем, финт со звонком одноногий оценил на пять с плюсом. От этого места можно начать маневрировать. Пусть майор действует дальше, глядишь, у него все же что-нибудь получится. Похищенная продолжала наступать:

– Ну, спрашивайте, раз уволокли среди ночи по грязи. Майор спрашивать начал не сразу. Обдумывал, к какой прибегнуть в данном случае тактике.

– Скажите, Нина, как вы относитесь к своей родине? Все же на секунду ее удалось сбить с толку.

– Кто это такой?

– К России, она женского рода.

Нина уже собралась со всем своим ядом.

– Как женщина к женщине я отношусь к ней неплохо. Нам пока нечего делить. Родина не забирала у меня сыновей на войну, не калечила родителей. Позволяет не сдохнуть с голоду. Заниматься делом, за которое я могу себя уважать. В общем, неплохо я к ней отношусь. А вы?

Елагин кивал в ответ на каждое предложение ее короткой речи, все сильнее сдвигая при этом густые брови.

– А вот я ее люблю. До такой степени, что готов быть цепным псом у границ ее интересов. Из меня мог бы получиться неплохой ученый – при большей усидчивости. Или серьезный военный – при наличии настоящего врага. А так пребываю в какой-то умственной и нравственной расслабленности. И пользуюсь каждым случаем, когда родина посылает мне сигнал бедствия, чтобы прийти к ней на помощь.

Нина нахмурилась, потеряла нос, покосилась на Кастуева, но тот, судя по всему, больше всего интересовался ногой.

– Не совсем поняла, товарищ офицер, вы жалеете, что на нас в данный момент никто не нападает?

Офицер веско кивнул:

– В каком-то смысле. Мы, русские, лучше всего себя чувствуем в обороне против превосходящих сил противника, идеально – когда нас берут за глотку. Такой вечный «Варяг». Тогда у нас появляется все что надо – не только стойкость и отвага, но и организованность, порядок, деловитость даже.

Нина мелко покусывала нижнюю губу, начиная, по-видимому, раздражаться.

– Но я вот тоже «русские», однако совсем не хочу нормального самоощущения такой ценой. Я не люблю, когда меня держат за глотку. Русский – не значит распятый, как хотелось бы думать многим! Таким, как вы. Кстати, больше всего об этом кричат те, кто сами ни за что на крест не полезут. К тому же сейчас как раз тот случай, когда можно попробовать жить по-человечески, по-русски, ни с кем не доходя в отношениях до кровопролития.

Майор медленно покачал головой:

– Это иллюзия.

Нина даже чуть привстала:

– Что – иллюзия?

– Что в настоящий момент нас никто не держит за глотку или по крайней мере не пытается приступить к этому очень любимому в мировом сообществе занятию.

Маленькая украденная дама схватилась за голову и начала раскачиваться из стороны в сторону, постанывая: «Да сколько же можно, сколько можно питаться этой тухлятиной». Потом остановилась и проговорила быстро и четко, глядя майору прямо в глаза:

– Это называется «осадное сознание». Каждый народ в какие-то моменты истории бывает осажден в своем доме, в своем храме, и мудрость вождей заключается в том, чтобы вовремя понять, что осада уже прекратилась. Осаждавшие заняты своими делами, а то и перегрызлись из-за так и не добытой добычи. Хуже всего, когда на башне, то есть у власти,

останутся люди, которые будут продолжать бить в набат – вставайте, люди русские! Когда звучат эти крики, крикунов невозможно сместить, потому что любые разговоры на эту тему тут же объявляются предательством. Однажды примененная жесткость не должна признаваться управленческой панацеей. Представьте врача, который успешно вылечил перелом наложением гипса, а потом против всех болезней прописывает только гипс, гипс, гипс! Даже против гриппа! Вот так мы до сих пор и живем. Все мечтают Россию «подморозить».

Даже Бобер заглянул на огонек этой речи и застыл в дверях. Майор играл желваками. Он знал, что самый слабый ход – перебить даму. Начала изливаться – пусть уж. Пожар женской истерики бесполезно заливать словами.

Умолкла. Нет, кажется, еще что-то скажет. Нет, просто махнула рукой.

– Теперь послушайте меня.

Она даже не глядела в его сторону, настолько он был ей ясен и неинтересен идейно, не говоря про остальное.

– У нас разногласия в общем-то не принципиальные. Тут вопрос качества настройки оптики. Ваши глаза моложе, но у меня зрение опытнее. Вы не видите, извините за гомерически банальный образ, этих рук, что тянутся к горлу моей родины, а я вижу. Или по крайней мере чувствую, что они могут протянуться. И предполагаю откуда.

– Еще про мировой заговор расскажите, – скучным голо-

сом сказала Нина.

Майор опустил голову, как будто заинтересовавшись рисунком царапин на оргстекле.

– Вы бывали в Лондоне?

– Неоднократно.

– Значит, были в районе Пикадилли.

– Естественно. Хотите обменяться экскурсионными впечатлениями?

– В какой-то степени... Вы не видели памятник, посвященный победе английской короны в Крымской войне?

Нина усмехнулась:

– Нет, товарищ похититель, памятники такого рода меня не интересуют.

Елагин спокойно кивнул.

– Да, обычный русский турист скорее пойдет в национальную галерею или к мадам Тюссо, но памятник, если вдуматься, интереснее. В нем больше пищи для ума. Он громадный, он величественный – истерическое, самодовольное воплощение государственной британской гордыни. Короче говоря, британцы этим памятником дают понять, что победили в очень большой, очень важной войне. А что такое большая война? Война со смертельно опасным врагом. Мы, Россия, и до Крымской войны, и после нее всегда оставались смертельно опасным врагом. Как вы думаете почему?

– Хочу послушать вашу версию.

– Потому что мы для них – другая цивилизация.

– Знакомая песня, слишком знакомая, – скривилась Нина. – Если мы и другая цивилизация, то только тем, что отстающая. Мы бредем вслед за Европой, влюбленные в нее, самозабвенно повторяя ее ошибочные шаги, силясь переболеть всеми ее комплексами и тем самым сродниться. Это в глубине души. А как реакция на подсознательное признание своей вторичности – «осадное сознание», железные занавесы.

Майор резко наклонился вперед, навалился грудью на сложенные по-ученически руки.

– Да, мы другая цивилизация. Только я бы не согласился с нарисованной вами схемой нашего движения относительно Европы. Не след в след, а по параллельной тропе. К тем, кто двинулся вслед за ним, Запад относится благожелательно – взгляните на Турцию. Когда-то она всерьез пугала западный мир, а теперь ей позволяют бежать за телегой европейской судьбы, держась за край. У России совсем другая роль. Это как бы запасная цивилизация западного типа с азиатским геном для большей жизнеустойчивости. Эта цивилизация и технологически, и этически готова сменить нынешний Запад, когда он провалится, окончательно выгрызет сам себя изнутри, превратится в собрание одиноких сладострастных молекул. В поэтической форме это звучит так: «Отдайте Гамлета славянам!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.